

В. Н. БОЛОЦКИХ
А. И. ДАВЫДОВ

**АНАРХИЗМ:
ИСТОРИЯ
И МЕНТАЛЬНОСТЬ
РУССКОГО БУНТА**

В. Н. Болоцких

**Анархизм: история
и ментальность русского бунта**

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

Анархизм: история и ментальность русского бунта /
В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832787-2

В России распространён миф о бунтарском духе русского народа, прежде всего крестьянства. Именно миф, никаких исследований бунтарства народа не проводилось. В работе прослеживается зарождение, развитие и ментальность русского анархизма как наиболее наглядного проявления бунтарского духа любого народа. Анархизм вечен, он существует столько же, сколько и государство. Поэтому он может помочь понять особенности государства. Анархизм внешне привлекателен, но всегда проигрывает государству. Почему?

ISBN 978-5-44-832787-2

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
1. Общая характеристика анархизма	9
2. Концепция анархистского общества Бакунина	13
3. Анархо-коммунизм князя П. А. Кропоткина	37
Революционная идеология в России в 1870—1890-е гг.	37
П. А. Кропоткин – путь в революцию	39
Основные положения теории анархического коммунизма	41
Государство и анархия	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Анархизм: история и ментальность русского бунта

В. Н. Болоцких

А. И. Давыдов

© В. Н. Болоцких, 2016

© А. И. Давыдов, 2016

ISBN 978-5-4483-2787-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В России в массовом сознании, в публицистике, в искусстве и даже в историографии широко распространён миф об исключительно бунтарском духе русского народа, прежде всего крестьянства. Но именно миф, так как никаких специальных исследований, «замеров» степени бунтарства русского народа не проводилось и все доказательства сводятся, как правило, к словам А. С. Пушкина о «бессмысленном и беспощадном русском бунте». В данной работе предпринимается анализ этого мифа на примере истории зарождения, развития и ментальности русского анархизма как наиболее наглядного проявления бунтарского духа любого народа.

Анархизм в России как направление общественной мысли и как социальное движение возник в середине XIX в. и существует по настоящее время. Современный анархизм сформировался и стал популярен в XIX в. в странах с большой долей крестьянского, ремесленного и кустарного производства в период становления индустриального общества (капиталистического строя), что вело к имущественному расслоению и превращению всё большей части крестьян, ремесленников и кустарей в пролетариев – лишённых собственных средств производства наёмных рабочих. Это прежде всего Испания, Италия, Франция, Швейцария. А также Россия.

Анархистские идеи проникли в Россию из Европы во второй четверти XIX в. Анархистские нотки заметны у Герцена, петрашевцев, революционеров начала 1860-х гг. И это неслучайно, предпосылки для возникновения анархизма на российской почве носят как социально-экономический, так и идейный характер.

В России этого периода всё заметнее становился капиталистический уклад в экономике, начался промышленный переворот, который в первую очередь проходил на предприятиях с наёмным трудом, под воздействием роста рыночных отношений происходили изменения в крепостническом хозяйстве – одни землевладельцы-дворяне втягивались в рыночные процессы, другие разорялись. Кризис начинает всё сильнее проявляться в крестьянском хозяйстве. Социально-экономические процессы создавали почву для зарождения и развития революционных течений.

С другой стороны, идейные поиски сторонников решительных перемен и защиты интересов народа привели к теории «крестьянского социализма» на основе русской крестьянской общины с её уравнительными переделами пашни, традициями общинной взаимопомощи и самоуправления. Теория «крестьянского социализма» в явной или неявной форме содержала элементы анархизма, так как конечной целью ставила переход к обществу справедливости и равенства на основе принципов крестьянской общины, что не оставляло места для государства и власти.

С точки зрения конечной цели, коммунизм, включая его марксистскую разновидность, также содержит сильные элементы анархизма. Можно даже сказать, что коммунистическое общество является просто анархическим, так как в нём провозглашается отсутствие государства, заменяемого общественным самоуправлением. Различие между анархистами и коммунистами заключается не в постановке конечной цели, тут как раз много общего, что и демонстрирует появление анархо-коммунизма, а в средствах и методах достижения цели.

Коммунисты, прежде всего Маркс и Энгельс с их последователями, считали неизбежным и обязательным переходный период от капитализма к коммунизму с обязательным же захватом власти пролетариатом и установлением диктатуры пролетариата. Государство диктатуры пролетариата как государство самих трудящихся должно было добить остатки экс-

плуататорских классов, сломить их сопротивление, провести необходимые преобразования в социально-экономической сфере, а заодно и в сфере власти.

Идея сохранения государства, хотя бы только на переходный период и с привлечением к управлению широких пролетарских масс, ликвидацией всех привилегий чиновничества и т.д., всегда была слабым местом марксизма и мишенью для его противников как из буржуазного, так из революционного лагерей.

Слабым местом эта идея была потому, что возникал вопрос, кто будет управлять средствами производства после ликвидации частной собственности на них и уничтожения капиталистов. Сначала государство, отвечали марксисты. Но кто потом, после его «отмирания» и исчезновения? Управление даже отдельным предприятием достаточно сложно, нуждается в умении, знаниях, способностях. Все сообща управлять не могут, этого не было даже в русской крестьянской общине, где каждая семья сама и совершенно самостоятельно решала, как ей вести своё хозяйство. Поэтому логические рассуждения приводили к выводу, что вместо власти капитала и его государства установится власть коммунистических чиновников и ещё неизвестно что хуже для народа.

Яркими критиками марксистских идей о государстве, политической борьбе, о создании политических партий пролетариата, строгой дисциплине в революционных организациях (в том числе и прежде всего политического типа) были и анархисты. Соглашаясь во многом с Марксом и его последователями в характеристике будущего справедливого общества, анархисты выступали за немедленное и полное разрушение государства и отмену властных отношений.

Конечно, попытка практической реализации анархистских теорий также привела бы к возникновению мощного бюрократического всевластного государства. Альтернативой может быть только полная деградация общества и скатывание к первобытному существованию. Но в XIX – XX вв. резкая критика со стороны анархистов, известных своей крайней революционностью, своими активными действиями и имевшими часто большую популярность в массах, доставляла марксистам много неудобств. Отсюда яростная полемика Маркса и Энгельса, а потом Ленина с анархистами. Подсчитано, что во втором издании сочинений Маркса и Энгельса содержится 430 антианархических работ, а в полном собрании сочинений Ленина – 240.

Советская историография анархизма поэтому посвящена не анализу и оценке анархистских теорий, идей и направлений, а сводится к их ожесточенной критике за якобы мелкобуржуазную революционность, отражение интересов буржуазии, псевдореволюционность, за волюнтаризм, вплоть до заявлений, что анархизм – орудие борьбы против революции и тому подобное. Закономерным также является то, что главными недостатками анархизма советские историки считали не отрицание анархистами государства вообще, а отрицание именно государства для переходного периода, т.е. государства диктатуры пролетариата, а также необходимости создания политических организаций рабочего класса со строгой дисциплиной, «демократическим централизмом» и борьбы за власть в рамках буржуазного общества.¹

Российский анархизм изначально был тесно связан с европейским, он многое воспринял у Запада, но и русские анархисты внесли большой вклад в теорию и практику европейского анархизма. С Прудоном были знакомы Бакунин и Герцен. Но если первый многое перенял у одного из основателей анархизма, то второй отнёсся к его идеям критически. С конца 1850-х гг. зарождается нигилизм, выступавший за свободу личности и индивидуализм и в котором присутствовали элементы анархизма. В многочисленных кружках рево-

¹ 1. Канев С. Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 3—22.

люционно настроенной молодёжи в это время читались и обсуждались сочинения Прудона и Штирнера, некоторые их идеи в самой разной комбинации – от соединения с социалистическими теориями до буржуазного индивидуализма получили признания у членов этих кружков. Теоретическое обоснование нигилистского анархизма связано с именем Н. В. Соколова, встречавшегося с Прудоном и ставшего его горячим сторонником. Н. Д. Ножин развивал идеи анархо-индивидуализма. Он считал отрицательным явлением возникновение разделения труда и высказывался в пользу складывания «целостной личности», которая должна жить в общества справедливости-равенства на принципах коллективизма наподобие колоний морских гидр.² Анархистские идеи были распространены в движении революционных народников 1870-х гг. В это время ряды российских революционеров состояли исключительно из выходцев из дворянства, купечества, духовенства и разночинских городских слоёв. Но они ставили своей целью освобождение народа и построение общества равенства и справедливости на основе крестьянской общины. Возникновение собственно анархистских организаций с участием представителей крестьян, ремесленников и кустарей относится в России к периоду первой революции. Особый подъём анархизм в России переживал в годы революции 1917 г. и гражданской войны. В крайне незначительных масштабах и в скрытых формах анархизм существовал в советский период. Он активизировался во время перестройки и в первые постсоветские годы. Но и в настоящее время анархизм в России существует. Анархистские идеи живы, анархистские группировки действуют и в других странах, даже самых развитых, идущих на пути к постиндустриальному обществу.

Вот и возникает вопрос: почему? Попробуем ответить на этот вопрос на примере России.

² Там же. С. 29—31, 33, 38—43, 70—102.

1. Общая характеристика анархизма

Само понятие «анархизм» происходит от греческого слова *anarchia* – безвластие. Анархизм как общественно-политическое и социально-экономическое учение отрицает необходимость государственной власти и политической организации общества, провозглашает своей целью освобождение человека от всех видов политического, экономического и духовного гнёта, установление абсолютной свободы каждой отдельно взятой личности, немедленное уничтожение всякой власти и создание федерации мелких автономных ассоциаций производителей. В таком виде анархизм сложился в 1840—1870-х гг. в Западной Европе.

Критика государства и идеи создания общества без власти и государства появились едва ли не одновременно с возникновением первых государств. Следы этого можно найти у стоиков и киников античности, в учениях средневековой секты катаров и некоторых течений анабаптистов в период Реформации.

Зарождение современного анархизма связано со становлением капиталистического общества с его частной собственностью, рыночными отношениями, свободой экономической деятельности, но и с пролетаризацией всё большей части общества. Поэтому не случайно в более или менее развёрнутом виде анархистские идеи были изложены после Английской революции XVII в. Дж. Уинстэнли. Он писал в 1649 г., что власть развращает людей, собственность и свобода несовместимы и только в обществе без собственности и политической власти человек может быть вполне счастлив, действуя по велениям совести, а не внешнего закона. Уинстэнли попытался осуществить свои идеи на практике, возглавив в 1649 г. группу своих последователей, получивших прозвище диггеров. Он был уверен, что только в результате собственной деятельности люди могут положить конец несправедливому миропорядку и диггеры создали ненадолго коммунистическую общину на захваченных ими пустошах в Южной Англии. Идеи Уинстэнли были подхвачены некоторыми течениями английского протестантизма и позднее нашли своё наиболее яркое выражение в книге У. Годвина «Исследование о политической справедливости» (1793 г.), заложившей основы современной традиции анархизма.

У. Годвин сформулировал классическое положение анархизма о том, что власть противоречит человеческой природе, а общественное зло существует по причине того, что люди лишены возможности свободно действовать в соответствии с разумом. Он также предложил идею децентрализованного общества, основной ячейкой которого являются небольшие автономные общины, в которых нет даже демократических политических процедур, поскольку и правление большинства является формой тирании, а делегирование полномочий при представительном правлении приводит к отчуждению индивида. Годвин также отрицал собственность как источник власти, надеялся на то, что промышленное развитие и технический прогресс приведут к сокращению продолжительности рабочего времени до получаса в день, что облегчит переход к обществу без власти.

Большой вклад в развитие теории анархизма внёс немецкий философ М. Штирнер, разработавший индивидуалистический вариант анархизма. Он считал все социальные институты (государство, право, собственность) результатом отчуждения индивидуального сознания и утверждал, что в реальности не существует никаких необходимых связей индивидов в обществе, а потому индивид не должен признавать никакие социальные установления обязательными для себя. Идеальное состояние человека – это состояние свободы, не ограниченной никакими рамками.

Большое влияние на становление и развитие анархизма оказала анархическая концепция Прудона. Французский публицист и социолог П. Ж. Прудон изложил свою концепцию в работах «Что такое собственность?» (1840 г.), «Система экономических противоречий,

или философия нищеты» (1846 г.) и особенно «Федеративный принцип» (1863 г.). Прудон исходил из опыта Французской революции 1848 г. и разработал свою доктрину социализма, основными элементами которой были мютюэлизм, федерализм и тактика прямого действия. Мютюэлизм означал организацию общества на принципах равенства и взаимности. Прудон отвергал использование собственности для эксплуатации чужого труда (известно его выражение – «собственность есть кража»), но допускал «владение» – право рабочего или групп рабочих распоряжаться землёй и орудиями труда как главное основание свободы. Прудон предложил идею «положительной анархии», когда порядок возникает в результате того, что люди делают то, что они сами желают делать, и такая система самоуравновешивается, приходя к естественному порядку, где общественный строй создают деловые операции.

Прудон видел будущее идеальное общество состоящим из независимых крестьян и ремесленников, фабрики и заводы в нём находились бы в собственности рабочих ассоциаций, а весь общественный механизм объединялся бы системой взаимного кредита на основе народных банков, место централизованного государства заняла бы федерация автономных местных общин и промышленных ассоциаций, связанных договорными отношениями, место суда занял бы арбитраж, место бюрократии – рабочий контроль, академическое образование заменено общим образованием. Последователи Прудона именовали себя мютюэлистами по названию тайной рабочей организации в Лионе в 1830-х гг., в которую входил Прудон. В 1864 г. группы мютюэлистов вместе с английскими трейд-юнионистами и европейскими социалистами, создали в Лондоне «Международное товарищество рабочих» (Первый Интернационал). Уже в I Интернационале развернулась борьба между сторонниками Прудона и К. Маркса. Сторонники последнего признавали тактику политической борьбы, захвата государственной власти и создания диктатуры пролетариата на переходный период от капитализма к социализму.

Прудон был противником революций, он надеялся, что развитие науки и закона сформирует общественное и личное сознание, которых будет достаточно для поддержания порядка и сохранения всех свобод, и в таком случае уменьшится значение полиции, репрессивных методов, бюрократического аппарата, налогообложения и тогда сильную централизацию можно будет заменить федералистскими учреждениями и коммунами.

В анархизме с зарождения имелись различные течения, он всегда состоял и состоит из множества разных направлений, в том числе диаметрально противоположных друг другу, от крайнего индивидуализма до безгосударственного коммунизма, от отрицания любых видов принуждения и насилия до признания насилия необходимой частью повседневной борьбы за свои идеалы вплоть до идеи социальной революции как единственного способа достижения свободного общества и использования террора.

Но при всём разнообразии форм анархизма, имеются общие принципы, принятие которых позволяет относить их носителей именно к анархистам.

Это, прежде всего, полный отказ от общественного строя, основанного на политической власти. Из этого вытекает, что в анархистском обществе индивид, либо группа лиц не могут навязывать собственное мнение, желания и волю другим, в нём отсутствует иерархическая система и представительная демократия, равно как и другие формы правления. Анархизм направлен на максимальное развитие каждого индивида в отдельности и подходит к решению проблем и нужд отдельных людей индивидуально, если это возможно в конкретной ситуации.

Это представление об идеальном обществе, в котором нет какого-либо принуждения. Что означает отказ от навязывания идей и воли одних людей другим даже в интересах всего общества. Участие в общественной деятельности определяется личной заинтересованностью, проявлением личной ответственности перед обществом, а не внешним давлением.

Это свободное формирование и функционирование общественных ассоциаций, т.е. возможность существования любого вида ассоциаций с целью удовлетворения всех общественных потребностей, обладающих равными правами влиять на будущее общества. Эти ассоциации могут создаваться только снизу и, в случае необходимости, они могут образовывать федерации или конфедерации только снизу вверх.

Это принцип взаимопомощи как синоним сотрудничества. Работа сообща эффективнее, чем по отдельности, а коллективное взаимодействие является сокращённым путём к достижению необходимого результата при наименьшей трате усилий.

Это принцип разнообразия. Анархисты полагают, что общественные организации, образованные самими членами общества, более эффективно удовлетворяют интересы людей и что когда человеческая жизнь основывается на разнообразии, взаимодействия людей более естественны и непосредственны. Кроме того, по мнению анархистов, разнообразие приводит к практической невозможности контроля отдельных людей.

Это принципы равенства и братства. Равенство означает отсутствие иерархической системы, предоставление всем одинаковых возможностей удовлетворения личных потребностей во всех сферах жизни. Братство подразумевает такое равенство всех, при котором невозможно доминирование интересов и потребностей одних людей над интересами и потребностями других.

Среди множества направлений анархизма выделим наиболее известные и значимые.

Анархо-индивидуализм, основателем которого считается Макс Штирнер.

Анархистский индивидуализм исходит из идеи о том, что индивидуальная совесть и преследование личного интереса не должны быть ограничены никаким коллективом или органом государственной власти. Он признаёт понятие частной собственности в отличие от социалистов, коллективистов, коммунистов, коммунитаристов.

Мютюэлизм. В основе мютюэлистского анархизма лежат принципы взаимопомощи, свободы ассоциаций, добровольного контракта, федерализма, право каждого рабочего получать справедливую плату за свою работу.

Социальный анархизм как антипод индивидуалистического анархизма.

Понятие социального анархизма включает в себя коммунитаристские формы анархизма, которые базируются на сотрудничестве, кооперации и взаимопомощи, отказе от частной собственности на средства производства и капиталистических отношений. К социальному анархизму относятся анархо-коллективизм, анархо-коммунизм, либертарный социализм, анархо-синдикализм, социальная экология и, отчасти, мютюэлизм.

Анархо-коммунизм основан на вере в возможность истинной свободной формы социальной организации только в условиях общества, состоящего из самоуправляющихся коммун и общин, в которых организовано коллективное использование средств производства, внутри которых действует принцип прямой демократии. Но некоторые анархо-коммунисты являются противниками прямой демократии, рассматривая её как потенциальную преграду свободе личности и проявление иерархического начала, власти и основы для воссоздания государственности. Согласно анархо-коммунистической концепции вся необходимая работа будет выполняться людьми добровольно с осознанием выгоды общественного владения предприятиями и взаимопомощи.

Анархо-синдикализм возник в начале XX в. Синдикалисты представляют рабочие профсоюзы как силу, осуществляющую радикальные социальные изменения в общественной жизни. Как и анархо-коммунисты, подавляющее большинство анархо-синдикалистов отрицает наёмный труд и частную собственность на средства производства, в которой они видят важнейшие причины разделения общества на собственников и наёмных работников.

Основными принципами анархо-синдикализма провозглашаются рабочая солидарность, прямое действие, самоуправление рабочих. Эти принципы допустимы и в других

течениях анархизма, так что анархо-синдикалистами часто являются анархо-коммунисты или анархо-коллективисты.

Анархо-капитализм основывается на вере в свободное владение частной собственностью, отрицании любой формы правительственной власти или её вмешательства, поддержке конкурентоспособного свободного рынка как главного механизма социального взаимодействия. Впервые термин «анархо-капитализм» был использован Ротбардом в 1960-е гг. в США.³

³ См.: Теория анархизма. Её суть и основные направления. Социология и социальные явления // wiki.ru>Новости.../id-articles-472521.html; Синицина Е. Анархизм: мечта о свободном обществе // [cloudwatcher.ru> analytics/6/view/58/](http://cloudwatcher.ru>analytics/6/view/58/) и др.

2. Концепция анархистского общества Бакунина

М. А. Бакунин создал первую в России более или менее последовательную теорию анархизма – бунтарскую, которая оказала сильнейшее влияние на российское революционное движение 1860—1880-х гг.

Мы уже подробно анализировали анархистские взгляды Бакунина, его теорию возникновения государства и объяснения необходимости его полной и немедленной ликвидации, возможных последствий попыток осуществления бакунинских идей на практике.⁴ Поэтому здесь ограничимся общей характеристикой взглядов первого русского теоретика анархизма.

В молодости Бакунин увлекался философией, в основном немецкой, принял идею наличия всеобщего абсолютного знания. Бакунин верил, что с помощью Абсолюта, абсолютного знания, можно решить все глобальные задачи, стоящие перед человеком.

В анархистский период жизни Бакунин был материалистом (он сам называл себя сторонником «экономического материализма», понимаемого, правда, довольно упрощённо), атеистом, последователем идей Дарвина и Конта.

В начале своей революционной деятельности Бакунин признавал значение республики как формы государства, верил, что с помощью республики народ может провести социальную революцию и допускал возможность установления революционной диктатуры. Такие взгляды нашли отражение в его работах «Исповедь», «Народное дело. Романов, Пугачёв или Пестель?». В них Бакунин допускал возможность мирных преобразований с участием царя, управляющего вместе с Всенародным земским собором, иначе – революция во главе или с диктатором из крестьян (Пугачёв), или из дворян (Пестель).

Бакунин исходил из материалистической трактовки природы и общества, считал, что их развитие является результатом проявления стихийных сил и процессов, идущих под воздействием различных причин в каком-то определённом направлении. Это направление определяет не какая-то одиночная воля, человека или бога, а именно сумма разнообразных объективных причин и человек может только познавать, и то фрагментарно, эти причины и постепенно овладевать возможностью использовать знание закономерностей. Поэтому теоретик анархизма стремился доказать необходимость полной ликвидации власти и государства как абсолютного зла вследствие объективной закономерности. С этой целью он сначала рассматривал вопрос о происхождении самого человека, сознания и религии.

Бакунин отвергал религиозную доктрину творения и рассматривал человека как часть природы, как один из видов животных, который появился в результате множества исключительно материальных причин, взаимно связанных и взаимно обусловленных. Эта взаимосвязанность и взаимопричинность (солидарность по терминологии Бакунина) вытекает из одновременного действия всех частных причин как их производное и составляет «всемирную причинность». Эта «всемирная причинность» определяет развитие неживой и живой природы, а также человека с его обществом и историей.

Принципиальное отличие человека от животных Бакунин видел в наличии у него разума, способности к абстракции. Эта способность возвышает человека над окружающим внешним миром и даже над самим собой как индивидом и позволяет понять идею всеобщности Существ, идею Вселенной, бесконечного, или Абсолюта, – «идею вполне абстрактную и, если хотите, лишённую всякого содержания и тем не менее являющуюся всесильной и служащей причиной всех дальнейших завоеваний человека, ибо она одна отрывает чело-

⁴ Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. – Новосибирск, 2008.

века от пресловутого блаженства и тупоумной невинности животного рая и ведёт его к триумфам и бесконечным волнениям беспредельного развития»⁵.

Способность к абстракции лежит в основе анализа и экспериментальной науки, возможности познавать себя, свои собственные побуждения и инстинкты и тем самым возвышаться над ними. По мнению Бакунина, это пробуждает сознание и волю, которые зависят от внешних влияний, так как человек включён во всемирную причинность. А эта всемирная причинность, она же «всемирная солидарность» или просто природа, создаёт в результате непрерывных действий всё многообразие миров и сама является продуктом. Она же создала нашу землю «со всей лестницей существ от минерала до человека». Эта всемирная причинность «постоянно воспроизводит их, развивает, кормит, сохраняет; потом, когда наступает их срок, и часто даже раньше, чем он наступил, она их уничтожает, или, лучше сказать, преобразует в новые существа. Итак, она – это всемогущество, по отношению к которому не может быть никакой независимости или автономии»⁶.

Всемирная причинность, всемогущество природы лежат, по Бакунину, в основе всякой религии. Религия порождается чувством абсолютной зависимости всех живых существ от всемогущей природы. Человек отличается от животных наличием идеальной стороны – мысли. Как существо живое и мыслящее человек для своего полного осуществления должен вначале познать самого себя, а это процесс длительный и в этом причина медленного развития человечества.

Бакунин считал, что высшей целью развития человека является свобода, которая находится не в начале истории, а постепенно достигается человеком в процессе познания законов внешнего мира и собственной природы. Человек перерабатывал эти законы в идеи, «почти произвольное создание нашего собственного мозга» и «*не переставая подчиняться этим законам, человек подчинялся теперь лишь собственным мыслям*». Теоретик анархизма полагал, что «по отношению природы, это является для человека единственным достоинством и единственно возможной свободой». Познавая законы природы, «человек сам возвышается над непосредственным давлением внешнего мира, и, становясь в свою очередь творцом, повинуюсь с этих пор лишь собственным идеям, он более или менее перерабатывает этот мир сообразно своим возрастающим потребностям и налагает на него как бы отражение своей человечности»⁷.

И человек является творцом своего человеческого мира, который он создаёт за счёт внешнего мира и «своей собственной животности» и сутью человеческого мира является, по мнению анархиста, свобода и человеческое достоинство. Человеком движет всемирная причинность, присущая всем живым существам, и заключающаяся в стремлении удовлетворить свои потребности. Это стремление к удовлетворению своих потребностей составляет у Бакунина «существенное и главное проявление жизни» и лежит в основе *воли*.

Свободная воля, фатальная и непреодолимая, присуща всему живому, от низших организмов до человека. Но она достигает полного самосознания только в человеке благодаря наличию у него разума. Разум возвышает человек над его инстинктами, позволяет осознавать и упорядочивать свои побуждения и поэтому только человек обладает «сознательным самоопределением, *свободной волей*».

Эта свободная воля противостоит не абсолютной причинности, а её механическому действию и инстинкту, человек не может освободиться от естественных влечений, но может регулировать их и согласовывать с представлениями о справедливом и прекрасном. Именно разум, мышление, познание позволяют человеку создать цивилизацию с её промышленно-

⁵ Бакунин М. А. Анархия и Порядок: Сочинения. – М., 2000. С. 200—201.

⁶ Там же. С. 201—202.

⁷ Там же. С. 207—208.

стью, наукой, искусством, т.е. всемирную историю. Человек также создаёт эту всемирную историю благодаря инстинктивной и фатальной «действенной силе», которая человеческим разумом и сознательной волей «перерабатывается в человеке и для человека в *сознательный свободный труд*».⁸

В бакунинских представлениях о всемирной причинности, всевластии законов природы отразились материалистические взгляды на природу и причины её развития, а также теория естественного отбора Дарвина в довольно упрощённом виде. При этом у Бакунина не развивается всё живое, а природа «развивает», «сохраняет» и т. д. И природа оказывается чем-то высшим, внешним по отношению к предметам природы, а человек оказывается «творцом», хотя бы и ограниченным пределами своего разума. Эти идеи есть отражение поисков Бакуниным Абсолюта, вечной и неизменной истины. Но это открывало возможность признать за наиболее развитыми личностями, лучше других познавшими законы природы и общества, право учить других, вести их за собой к обществу, устроенному на основе познанных законов. Для Бакунина – на основе принципов анархии.

Марксистский философ В. Ф. Пустарнаков понимал это так: для Бакунина бунт против всего мироздания, против природы с большой буквы невозможен, но против «природы, непосредственно окружающей человека, возможен „бунт“ мыслящего и активного человека, опирающегося на свой труд и на науки»,⁹ т.е. он имел в виду не абсолютную свободу и абсолютную волю, а относительные, в рамках познанных законов окружающего мира.

Человек осознаёт свою свободу только благодаря способности мыслить, считал Бакунин, а реализует эту свободу благодаря *труду*. Деятельность всех живых существ по преобразованию природы в соответствии с их потребностями становится человеческим трудом только благодаря разуму и сознательной воле. И этот труд начинает служить потребностям мыслящего существа, развивающего свою человеческую сущность и утверждающего свою свободу.

Для Бакунина человек становится человеком только при условии, что он в какой-то степени вырвался из рабских цепей природы. Цепи природы – это условия жизни, когда человек как живое существо подвергается тысячам опасностей. Вырваться из этих цепей, преодолеть хотя бы в некоторой степени эти опасности человек может только благодаря абстрактному мышлению и человеческому труду. Но развитие мышления идёт медленно, сначала возникает «вообразительное» (образное) мышление, которое освобождает человека от естественного рабства природы «ценой немедленного подчинения его новому рабству – рабству религии». Именно образное мышление порождает фетишизм.¹⁰

Бакунин представлял природу как великолепно организованный мир, но устроенный не Богом, а естественным развитием, т.е. всемирной причинностью. Но, чтобы познать этот организованный мир, необходимо познать все причины, влияния, действия и противодействия, не упуская ни одной причины, даже самой слабой и отдалённой. Но так как это невозможно, то на этом основывается власть религии.¹¹

Развитие человеческого мышления, сознания и познания мира происходит через становление и смену религиозных представлений – от фетишизма и культа колдунов к пантеизму и собственно религии, в которой возникает представление о духовном всемирном невидимом Боге. Бакунин делал вывод: «Бог – это абсолютная абстракция, это собственный продукт человеческой мысли, которая, как сила абстракции, поднялась над всеми извест-

⁸ Там же. С. 208—210.

⁹ Пустарнаков В. Ф. М.А.Бакунин как философ // Бакунин М. А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. С. 42—43.

¹⁰ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 210—212.

¹¹ Там же. С. 190—191.

ными существами, всеми существующими мирами, и освободившись тем самым от всякого реального содержания, сделавшись уже не чем иным, как абсолютным миром, не узнавая себя в этой величественной обнаженности, становится перед самой собой – как *единственное и высшее Существо*»¹².

Развитие мышления, познания, успехи науки постепенно приводят человека к пониманию реального единства природы как *«вечной и всемирной видоизменяемости* в безграничном движении без начала и без конца». А это, замечал Бакунин, есть «абсолютная противоположность всякому учению о Провидении – отрицание Бога».

Но это дело медленное и трудное, а пока человек превратил собственную абстракцию в Бога и начал её обожествлять. В результате, писал Бакунин, «сотворённый стал предполагаемым творцом, а настоящий творец, человек, занял место между множеством других несчастных тварей в качестве бедной твари, еле-еле привилегированной по сравнению с ними».

Бакунин признавал историческую необходимость религии и считал её злом неизбежным, но не абсолютным.

С религией Бакунин связывал возникновение государства, так как, считал он, одним из главных атрибутов богов является законодательство и основание государства для общества. Это доказывалось им тем, что почти все религии говорят о неспособности человека распознать добро и зло, справедливость и несправедливость и поэтому необходимо было божество для просвещения человека и основания в человеческом обществе политического и социального порядка. Поэтому все законы и власти освящены небом и им необходимо всегда и слепо подчиняться.

Но раз Бог лишь продукт человеческой абстракции, соединённый с религиозным чувством, доставшимся человеку от животных, то он ничто и становится всем только благодаря религиозному легковерию. Поэтому идеи справедливости и добра, которые человек приписывает богу, он имел и раньше, в самом себе, следовательно, они есть проявления его животной природы. Бакунин видел элементы морали уже у животных в виде двух противоположных инстинктов: сохранения индивида и сохранения породы, или по-другому, эгоистического и социального инстинктов. Соотношение этих инстинктов у разных видов разное. Человек же отличается тем, что эти противоположные инстинкты, «эгоизм и общственность», гораздо сильнее и больше взаимосвязаны, чем у животных. Бакунин утверждал, что «человек – это самое индивидуальное из всех земных существ, но он является и самым *социальным* из всех существ».¹³

Бакунин отвергал теорию общественного договора Руссо и других мыслителей. Для него свобода не в прошлом, а в будущем, что естественно вытекало из его концепции постепенного развития человеческого общества и сознания. Если человек обладал свободой в первобытном состоянии, то зачем ему её терять. Ради безопасности? Но тогда общественный договор основа не общества, а государства, полагал Бакунин.

Бакунин разделял и даже противопоставлял понятия государства и общества вплоть до взаимоисключения. По его мнению, общество и государство находятся в неизбежной борьбе, в неразрешимом конфликте, в котором победа если и может быть, то только тотально, абсолютно в пользу одной из сторон.

Бакунин выводил общество, как и всё человеческое, в том числе самого человека, из природы и всеобщей взаимной причинности. При этом он проводил чёткое различие законов природы и общества (как природного образования) и законов государства (как порождения религии): «Государство не является непосредственным продуктом природы;

¹² Там же. С. 218.

¹³ Там же. С. 221—230.

оно не предшествует, как общество, пробуждению мысли в человеке», а *«религиозное сознание создаёт его в естественном обществе»*. Для Бакунина не принципиально, что породило государство, свободная и сознательная воля людей, как у либеральных публицистов, или Бог: «В обоих случаях оно главенствует над обществом и стремится его совершенно поглотить»¹⁴.

Бакунин ставил своей целью доказать, что государство является абсолютным злом, что оно есть главное препятствие на пути к обществу свободы, которое возникнет в результате познания человеком законов физического и духовного мира. При этом он тщательно обходил вопрос о том, по каким естественным, ибо всё в мире взаимосвязано, законам появляется государство не будучи «естественным продуктом природы». Но в таком случае вся анархическая теория Бакунина, все его обоснования свободы, справедливости, равенства оказываются бездоказательными, так как они являются следствием понимания Бакуниным государства не как части общества, образующейся неизбежно на определённом этапе общественного развития в силу законов его развития, а как абсолютного зла, порождённого злой волей религиозных жрецов. Ссылки на злую волю богатых, привилегированных, эксплуататорских классов безосновательны, так как не показаны естественные законы их собственного образования.

Для теоретика анархизма всё просто: «Божественное учреждение необходимо должно пожрать всякую естественную организацию»¹⁵. Но в тоже время религия для Бакунина есть порождение ещё неразвитого человеческого сознания и тем самым получается, что человек сам уничтожает свою естественную организацию – общество. Как и почему это происходит Бакунин не объясняет.

Бакунин отвергал не только теорию религиозного происхождения общества и государства, но также индивидуалистическую, довольно популярную в его время. Он исходил из того, что из этой теории вытекает, что до заключения договора между абсолютно свободными индивидами не было естественного общества, так как такое общество должно ограничивать свободы индивидов и, следовательно, был какой-то договор до заключения свободного договора. Значит, человеческое общество начинается с заключения договора, а «логическое осуществление договора со всеми его предначертаниями и законодательствами и практическими следствиями – это Государство».

С точки зрения Бакунина такое общество-государство представляет собой «сумму отрицаний индивидуальных свобод всех его членов; или же сумму жертв, приносимых всеми его членами, отказывающимися от доли своих свобод в пользу общего блага». Но раз согласно индивидуалистической теории «свобода каждого составляет границу или естественное отрицание свободы всех других», то «это абсолютное ограничение, это отрицание свободы каждого во имя свободы всех или общего права – это и есть Государство». И он заключал: «Стало быть, там, где начинается Государство, кончается индивидуальная свобода и наоборот».

Представление о том, что государство отнимает у индивида часть свободы в обмен на безопасность, Бакунин отвергал на том основании, что «свобода неделима: нельзя урезать часть её, не убивая целого. Та малая часть, которую вы урезываете, составляет самую сущность моей свободы, она всё», потому что «в силу естественного, необходимого и непреодолимого влечения, вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы урезываете, сколь бы ни была мала эта часть».¹⁶

¹⁴ Там же. С. 232.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Там же. С. 233—234.

Но общество появилось одновременно с человеком – человек существо общественное, не может быть человеческого индивида вне общества. Дитя человека рождается на свет только потенциально человеком – в нём заложена генетическая предрасположенность к овладению речью, мышлением, сознанием и другими чисто человеческими качествами и требуется длительный период социализации ребёнка, чтобы он стал действительно человеком. И человеческое общество всегда иерархично, структурировано, каждый индивид занимает своё определённое место, имеет права и обязанности, что является неотъемлемым атрибутом живой природы вообще. Абсолютной, ничем не ограниченной свободы не было нигде и никогда и не будет никогда. И самые сильные, обладающие лидерскими качествами, индивиды, способные обеспечить своему коллективу выживание и развитие всегда имели и будут иметь в своём распоряжении больше духовных и материальных благ, больше ресурсов, без этого невозможно развитие как конкретного общества, так и человечества в целом. А государство – лишь часть общества, возникающее на некотором этапе развития общества для снижения конфликтности, усиливающейся по мере роста численности населения.

Для Бакунина же любое государство, даже самое демократическое со всеобщим избирательным правом граждан, является отрицанием свобод и такое государство может ещё более деспотичным, чем монархия.

Бакунин сводил проблему роли государства в обществе к проблеме добра и зла, стремился опровергнуть тезис, приписываемый им самим своим оппонентам, о том, что государство ограничивает свободу граждан, если эта свобода порождает несправедливость и зло, препятствует им убивать и грабить друг друга, но предоставляет гражданам полную свободу творить добро. Он пускался в длинные рассуждения об абстрактных понятиях добра и зла, которые к проблеме государства отношения не имеют.¹⁷

Теорию общественного договора Бакунин понимал как образование «частных и ограниченных ассоциаций», т.е. государств, а не как возникновение общества вообще. Эти частные, замкнутые ассоциации-государства, по мнению Бакунина, угрожали существованию и свободе членов других ассоциаций и самих этих ассоциаций. Таким образом, человечество разделилось на множество чуждых, враждебных и угрожающих друг другу государств, между которыми не было общественного договора и общего права. Даже если бы эти государства объединились и стали частями одного великого государства, то такому государству противостояли бы другие великие государства, если бы только такое великое государство не объединило бы всё человечество. Без этого война останется «верховным законом и внутренней необходимостью в жизни человечества».

Бакунин делал, в конце концов, окончательный и безоговорочный вывод: *«Государство – это самое вопиющее, самое циничское и самое полное отрицание человечества. Оно разрывает всемирную солидарность всех людей на земле и соединяет часть их лишь с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных. Оно берёт под своё покровительство лишь своих собственных граждан, признаёт человеческое право, человечность и цивилизацию лишь внутри своих собственных границ; не признавая вне себя самого никакого права, оно логически присваивает себе право самой свирепой бесчеловечности по отношению ко всем чужим народностям, которых оно может по своему произволу громить, уничтожать или порабощать. Если оно и выказывает по отношению к ним великодушные и человечность, то никак не из чувства долга; ибо оно имеет обязанности, во-первых, лишь по отношению к самому себе; во-вторых, к тем из своих членов, которые его свободно основали, которые продолжают его свободно составлять или же, как это всегда в конце концов случается, сделались его подданными. Так как международное право не существует, так как оно никак не может существовать серьёзным и действительным образом, не под-*

¹⁷ См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. С. 62—69.

рыва в самом основании принцип абсолютной верховности Государств, то Государство не может иметь никаких обязанностей по отношению к чужим народностям. Если оно, стало быть, гуманно обращается с покорённым народом, если оно лишь наполовину его обирает и уничтожает, если оно не низводит его до последней степени рабства, то оно поступает так из политики, может быть, из осторожности или по чистому великодушию, но никогда не по долгу, — ибо оно имеет абсолютное право располагать покорёнными народами по своему произволу».¹⁸

Естественно, что после таких определений государства можно объявлять патриотизм отрицанием человечности, политический мир называть ареной «высшего мошенничества и несравненного разбоя», так как они предписаны патриотизмом, высшей моралью и верховным интересом государства, говорить об истории государств как цепи «возмутительных преступлений».¹⁹

Все эти определения государства и его функций не имеют отношения к настоящим причинам войн, сущности патриотизма, закономерностям политического развития, функционированию государства и т. д. Но зато позволяют Бакунину обосновать свои анархические концепции. Государство для него сводится к господству богатых над бедными, к эксплуатации большинства меньшинством, поэтому закономерен его вывод: «И так как теперь уже доказано, что никакое Государство не может существовать, не совершая преступлений или, по крайней мере, не мечтая о них, не обдумывая их исполнение, если оно по бессилию и не может выполнять их на деле, — то мы заключаем, что безусловно необходимо уничтожение Государств или, если хотите, их полное и коренное переустройство, в том смысле, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху вниз державами, основанными на насилии или авторитете какого-нибудь принципа, и реорганизовались бы снизу вверх, с абсолютной свободой для всех частей, входить в союз или нет, и с сохранением для каждой части свободы всегда выйти из этого союза, даже если бы она вошла в него по доброй воле; реорганизовались бы согласно действительным интересам и естественным стремлениям всех частей через свободную федерацию индивидов и ассоциаций, коммун, областей, провинций и наций в единое человечество»²⁰

Бакунин не видел насущной потребности в регулировании жизни человеческих сообществ, не понимал, что без этого они не могли и не могут существовать и возникновение власти и государства поэтому сводил к захвату, принуждению.

Характерным приёмом для него было конструирование им самим возможной точки зрения оппонента или жизненной ситуации и опровержение с помощью логических аргументов. Таким образом, он «легко» разбивал аргументы в пользу необходимости даже самого демократического государства. Если все люди достаточно образованы, нравственны, сознательны, чтобы выбрать в управляющие достойных людей, то управление, государство, по мнению Бакунина, просто не нужны, так как такие достойные люди могут решать свои дела через самоуправление. Если же индивиды неспособны к самоуправлению из-за своей темноты, неразвитости, то управление, то власть просто захватят безнравственные демагоги и проходимцы, которые используют своё положение к своей выгоде.

Но даже если народ, достаточно мудрый, чтобы признать свою собственную неспособность управлять, имеет ещё «необходимую прозорливость, чтобы верить управление общественными делами лишь самым лучшим гражданам», государство всё равно порождает «главенство и эксплуатацию». Ведь в таком случае, с точки зрения Бакунина, эти лучшие образуют сначала отдельную группу, «привилегированную лишь природой, и вследствие

¹⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 237—238.

¹⁹ Там же. С. 239—241.

²⁰ Там же. С. 241—242.

этого отличенную народным избранием». Одарённых людей всегда мало и поэтому таких одарённых выдающимися качествами людей немного, так что народ будет всегда выбирать правителей из этого незначительного числа... Вначале эти избранные не отличаются от массы ничем, кроме тех качеств, из-за которых их избрали, и являются «самыми полезными и самоотверженными». Они не присваивают себе никаких привилегий, никакого особенного права, за исключением права (обязанности) исполнять возложенные на них народом специальные обязанности. В образе же своей жизни, в условиях и средствах своего существования они ничем не отличаются от народа и продолжает царить совершенное равенство.

Но это не может продолжаться долго, заявлял Бакунин, и постулировал категорично: «нет ничего более опасного для личной нравственности, как привычка повелевать» и продолжал без тени сомнения: «Самый лучший, самый просвещённый, бескорыстный, великодушный, чистый человек неизбежно испортится при этих условиях. Власть присущи два чувства, которые обязательно производят эту деморализацию: *презрение к народным массам и преувеличение своего собственного достоинства*».

Бакунин исходил из представления о том, что массы выбирают вождя из-за осознания своей неспособности к самоуправлению. И этому избранному вождю теоретик анархизма приписывал такие мысли: массы «открыто признали моё *превосходство* и своё *сравнительное ничтожество*», «я один способен управлять общественными делами», «народ во мне нуждается, он не может обойтись без моих услуг», «народ должен повиноваться мне для собственного своего блага, и, снисходя до управления им, я создаю его счастье».²¹

Но на догосударственной стадии человеческого общества не производилось никаких выборов, старейшинами, жрецами, вождями становились в результате острой и непрекращающейся борьбы за более высокое место в групповой иерархии. Иерархическая структура существует у всех стадных животных (в какой-то мере и не только у них – борьба за территорию с лучшими условиями у хищников-одиночек, например, также может рассматриваться как борьба за более высокое место в конкретной экосистеме среди особей своего вида). Существовала она изначально и в человеческих сообществах. Место вождя, вообще более высокое положение в иерархии, давало не только преимущества (в питании, обладании женщинами и пр.), но и накладывало серьёзные обязательства по защите сообщества от диких зверей, других людей, добывании продовольствия и т. д.

То же самое можно сказать о государственной стадии истории человечества. На этой стадии управление (как и военное дело) становится видом специализированной профессиональной деятельности. От степени профессионализма управляющей элиты зависит успешность развития конкретного общества, а часто и само его существование. Но никак не счастье, которое является чувством строго индивидуальным и зависящим от предпочтений и ощущений конкретного индивида, а не деятельности вождя, монарха или президента.²²

Конечно же, отношения господства и подчинения, эгоизм, властолюбие и другие отрицательные явления присущи любому государству, являются его важнейшими составляющими, впрочем, как и общества в целом, но сущность государства не сводится к ним. Снижение конфликтности в обществе, выработка и поддержание общих и обязательных правил поведения (законов), поддержание порядка в обществе, борьба с преступностью, преодоление чрезвычайных ситуаций, иногда деятельность по организации общих работ (ирригационных сооружений, например), защита от внешних врагов – в этом заключаются основные функции государства. Формы государственного устройства, способы образования и функционирования органов власти, деловые и личные качества правящей элиты – это характери-

²¹ Там же. С. 256.

²² См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. С. 75—87, 265—278.

стики государства как части общества, они не имеют отношения к его возникновению и роли в обществе.

Неразличение Бакуниным причин и следствий, роли государства в обществе, необходимости и выгоды существования государства для **всех** индивидов без различия степени богатства и положения в государственной и общественной иерархии приводят его к чисто анархическому выводу о вредности государства вообще и необходимости его немедленного разрушения.

Бакунин отрицательно относился ко всем государствам, какую бы форму они не имели – монархическую или республиканскую, потому что все они были построены на принципах политической централизации и всемогущества государства. А это неизбежно ведёт к отрицанию ими свободы внутри в открытой и скрытой форме, что порождает, полагал он, неизбежные войны между государствами. Это отрицание свободы внутри существующих государств вытекает из того, что «основанное существенным образом на предшествующем акте насилия, завоевания или того, что называется в частной жизни воровством со взломом, – акте, благословленном церковью какой бы то ни было религии, освященном временем и в силу этого обратившемся в историческое право, – и опираясь на это божеское освящение торжествующего насилия, как на исключительное высшее право, всякое централизованное государство тем самым полагает себя как абсолютное отрицание прав всех других государств, не признавая их в заключённых с ними договорах, иначе как в видах политического интереса или по бессилию»²³.

Бакунин выступал за признание «абсолютного права на полную автономию за всякой нацией, большой или малой, за всяким народом, слабым или сильным, за всякой провинцией, за всякой коммуной, при условии, чтобы внутреннее устройство одной из перечисленных единиц не являлось угрозой и опасностью для автономии и свободы соседних земель», самое важное право для него – это «право свободного соединения, равно как и свободного разрыва».

Для анархиста человечество «непреодолимо» стремится к единству, но оно «становится разрушителем просвещения, достоинства и процветания личностей и народов всякий раз, когда стремится образоваться помимо свободы, посредством насилия или посредством авторитета какой-либо теологической, метафизической, политической или даже экономической идеи. Патриотизм, стремящийся к единству помимо свободы, является дурным патриотизмом». Бакунин признавал лишь единство, основанное на принципе федерации автономных частей в одно целое и призывал «нападать на всякую религиозную, политическую, экономическую и социальную организацию, которая не будет всецело проникнута этим великим принципом свободы: без него нет ни просвещения, ни справедливости, ни благоденствия, ни человечности».²⁴

Со временем Бакунин пришёл к убеждению в необходимости полной ликвидации государства и власти как порождённых исключительно насильственным путём и служащих интересам господствующих привилегированных эксплуататорских классов.

Общество Бакунин делил на две диаметрально противоположных и естественным образом враждебных части: на политические классы, состоящие из привилегированных землевладельцев, капиталистов и просто обладателей буржуазного образования, и на рабочие классы, лишённые земли, капитала, всякого образования и обучения.

Бакунин не видел возможности преодолеть бездну, разделяющую эти классы с помощью народного образования и воспитания, не думал, что экономическое положение рабочих будет улучшаться с прогрессом промышленности и торговли. Решение проблемы у него

²³ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 150—151.

²⁴ Там же. С. 151—154.

чисто анархистское и социалистическое, близкое к идеям Прудона: улучшить условия труда, отдать «труду всё, что по справедливости принадлежит труду» и тем самым дать «народу обеспечение приобретать знания, благоденствие, досуг, и тогда... он создаст цивилизацию, более широкую, здоровую, возвышенную, чем наша».

Теоретик анархизма утверждал, что современное общество, как и в античности, основано на «принудительном труде меньшинства и относительном варварстве громадного большинства», что среди привилегированных классов растёт уважение к труду, так как усиливается понимание необходимости трудиться, чтобы быть на уровне современной цивилизации и быть в состоянии пользоваться её привилегиями и сохранять их. Но он констатировал, что труд привилегированных членов общества гораздо лучше оплачивается, что он оставляет им «досуг, необходимое условие умственного и морального развития» и это труд почти исключительно умственный, а представителям мускульного труда «достаётся безысходная нужда, отсутствие даже семейных радостей».²⁵

Но при этом Бакунин полагал, что в «относительном варварстве громадного большинства» имеются свои плюсы, так как бедные «сохранили свежесть ума и сердца». Он почему-то верил (не объясняя причин), что «мускульный» труд нравственно оздоравливает бедных; что они сохранили чувство справедливости, которое выше законов; здравый смысл, «не испорченный софизмами доктринёрской науки и обманами политики»; бедные сочувствуют всякому несчастью и «так как они ещё не злоупотребили жизнью и даже не использовали её, они верят в жизнь».

Религиозный туман, который скрывал истинные отношения между привилегированным меньшинством и эксплуатируемым большинством начинает развеиваться, французская революция провозгласила равенство всех людей, свободу и человечность. И народные массы в Европе начинают пробуждаться, задумываться о своих правах на равенство, свободу и человечность.

Первым условием свободы человека, превращения его в человека Бакунин считал освобождение его «от забот материальной жизни», а вторым условием – досуг после работы. Но достичь материального благополучия и досуга народ может только через коренное преобразование современного общества путём социалистической революции.²⁶

Для обеспечения материального благополучия и досуга, нужных для самосовершенствования большинства индивидов, необходимо радикальное повышение производительности труда. О том, как этого добиться, почему люди будут продолжать трудиться, если им будет обеспечен достаток и досуг, Бакунин не писал ничего. Очевидно, что для него достаточно было отдать «труду всё, что по справедливости принадлежит труду», чтобы решить все проблемы. О роли «привилегированного меньшинства» в управлении обществом, в поддержании порядка, в организации производства, о значении законов и юристов Бакунин даже не подозревал.

Придя к выводу, что современное ему государство должно быть уничтожено вместе с породившей его цивилизацией, Бакунин вынужден был поставить вопрос о том, чем их заменить. Его ответы были противоречивыми. С одной стороны, теоретик анархизма считал, что выросшие в «мерзости современной цивилизации» люди неспособны даже представить себе устройство будущего общества, основанного на началах свободы и справедливости, что даже рассуждения об этом будущем преступны, потому что «мешают чистому разрушению».²⁷ С другой стороны, Бакунин в разных работах изложил своё видение будущего анархического общества равенства, свободы и справедливости.

²⁵ Там же. С. 155—161.

²⁶ Там же. С. 162—163.

²⁷ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997. С. 220—221.

В своих представлениях об анархическом обществе Бакунин больше всего близок к Прудону, в социализме которого его привлекали идеи индивидуальной и коллективной свободы, свободных ассоциаций, деятельность которых подчинена только законам социальной экономии, отсутствие какой-либо правительственной регламентации и покровительства со стороны государства, подчинение политики экономическим, интеллектуальным и моральным интересам общества.²⁸

Для Бакунина было характерно сочетание справедливости и «открытого человеческого эгоизма», социалист для него – это человек, который «живёт откровенно и без фраз для самого себя и знает, что, делая это *согласно со справедливостью*, он служит всему обществу, а служа обществу, служит самому себе».²⁹

Под справедливостью социализма Бакунин понимал прежде всего *уравнение*.³⁰ Всемирная справедливость-уравнение должна обеспечивать каждому индивиду почти равные возможности для развития способностей и их применения, создать общество, в котором была бы невозможна эксплуатация чужого труда, но существовала бы возможность доступа к социальным благам для всех, кто непосредственно участвует в их производстве.³¹

Для достижения всемирной справедливости-уравнения Бакунин предлагал заменить труд, основанный на эксплуатации, «интеллигентным и свободным» трудом, который будет по необходимости «ассоциированным» трудом. При ассоциированном труде каждый индивид по свободному выбору будет объединяться с другими в совместной работе, которая многократно увеличивает производительность труда каждого отдельного человека, и каждый член производительного объединения заработает гораздо больше с меньшей затратой времени и труда. Когда эти «свободные производительные объединения», по мысли анархиста, «в **очередь** (выделено авт. – В.Б.) станут хозяевами и владельцами необходимого капитала», когда в их состав, наряду с рабочими силами, «освобождёнными благодаря всеобщему образованию», войдут «все специальные силы интеллекта» (видимо, специалисты в соответствующей области – В.Б.), когда они свободно (всегда свободно) объединятся между собой в соответствии со своими потребностями и наиболее подходящим образом, переступив национальные границы, образуют «экономическую федерацию», «когда стоящий во главе её парламент, располагая столь же всеобъемлющим, как и подробным, и точным статистическим материалом, какой в наши дни не может существовать, комбинируя спрос и предложение, будет направлять, устанавливать и распределять между отдельными странами производство мировой промышленности, так чтобы уже не было или почти не было ни торговых, ни промышленных кризисов, вынужденной остановки производства, катастроф и нужды и потери капитала, – тогда человеческий труд, источник свободы всех и каждого, возродит мир к новой жизни».³² Выполнение этой задачи растянется на столетие, но это надо сделать.³³

То, что Бакунин не понимал всей сложности и важности управленческой функции в обществе и государстве, что предлагаемые им меры приведут к замене частной собственности государственной собственностью, к замене управления капиталистами управлением государственными чиновниками и к неизбежному и беспредельному разрастанию государственного аппарата, к всеобщей регламентации, тотальному контролю над индивидами со стороны государства, к подавлению личности и свободы (без этого невозможно централизованное управление экономикой, проектируемое Бакуниным, даже сбор подробного

²⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 165—166.

²⁹ Там же. С. 168.

³⁰ Там же. С. 174—175.

³¹ Там же. С. 175—176.

³² Так же. С. 298.

³³ Там же. С. 176.

и точного статистического материала), не удивительно. Этого не понимали Маркс и Энгельс в XIX в., Ленин в начале XX в., до прихода к власти. Удивительно то, что и в начале XXI в. находятся люди, повторяющие ошибки Бакунина, верящие в возможность разрушения государства, ликвидации частной собственности и достижения неограниченной свободы. Или верящие в возможность создания государства, полностью подконтрольного трудящимся массам, действующего исключительно в интересах общества и индивидов, с госаппаратом, состоящим из чиновников, абсолютно лишённых корысти, готовых напряжённо трудиться за заработную плату на уровне средней оплаты в обществе.

Одной из важнейших мер для достижения справедливости-уравнения Бакунин считал отмену права наследования, которое он почему-то считал порождением государства и одним из основных условий существования «принудительного и божественно установленного государства». Право наследования порождает, по его мнению, наследственное искусственное экономическое неравенство классов, которое, в свою очередь, порождает наследственное неравенство в развитии и образовании индивидов и «будет продолжать быть источником и освящением всех политических и социальных неравенств». Поэтому для достижения абсолютной справедливости-уравнения необходимо введение равенства с самого рождения человека, чтобы все оказывались в равных исходных условиях и различались бы только природными качествами, а всё нажитое человеком должно передаваться в общественный фонд для образования, обучения и содержания всех детей от рождения до совершеннолетия.³⁴

Право наследования для Бакунина было неразрывно связано с существованием семьи и по этой причине анархист требовал ликвидации самого института семьи.

Связь возникновения и развития семьи с правом наследования была определена Бакуниным совершенно верно, но требовать их безусловного разрушения было уже ошибкой. Ведь именно семья постепенно стала основной ячейкой общества, в семье происходит первичная (и основная) социализация человека. Без общения, без обучения, без человеческого окружения невозможно превращение ребёнка (потенциального человека) в члена общества и наилучшим образом социализация ребёнка проходит именно в семье. Семья также на протяжении тысячелетий способствовала накоплению, сохранению и передаче от поколения к поколению знаний, навыков, материальных средств для обеспечения жизни и заменить её в этой функции практически невозможно. Поэтому не только уничтожение семьи как ячейки общества, но даже её ослабление наносит обществу огромный ущерб.

Бакунин признавал природное разнообразие индивидов, заявлял, что равенство не означает интеллектуального, морального и физического тождества людей, что разнообразие людей является богатством человечества, что экономическое и социальное равенство не означает равенства личных состояний, поскольку они являются результатом деятельности отдельных лиц. Но при этом требовал, чтобы при рождении каждый человек имел одинаковые материальные и социальные средства для развития в детстве и юношестве, т.е. те, которые зависят от общества, а не от природы. Таким образом, теоретик анархизма считал необходимым установления равенства в исходной точке, что невозможно при праве наследования.³⁵

Но такое равенство в «исходной точке» неизбежно привело бы к замедлению развития общества, к снижению стимулов к более напряжённой деятельности, к производству и накоплению материальных и духовных ценностей, знаний и умений.

Бакунин был приверженцем коллективных ценностей и идеалов, категорически осуждал стремление к личной выгоде. Подчинение своей деятельности личной выгоде он считал

³⁴ Там же. С. 176—177. См. также С. 291—292, 299, 313, 315, 348; Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 202.

³⁵ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 290—291.

главным недостатком буржуазии, причиной её разложения и коррупции, т.е. полного безразличия к «общественной пользе и солидарности». При этом в своём осуждении заботы о личной выгоде и восхвалении общественных интересов анархист доходил до абсурда.

Какой-либо класс или сообщество людей (церковь, религиозный орден, аристократия, буржуазия, бюрократия, армия, полиция, банды разбойников), по мнению Бакунина, могут быть глубоко аморальны из-за своих привилегий, своих целей и пр., но при этом не коррумпированы, «пока не распадутся под нажимом частных интересов их членов». И чем больше интересы класса противостоят общественным интересам, тем более облегчается коррупция его членам, «что обусловлено аморальностью принципа, лежащего в основе его существования: если только эта безнравственность не прикрывается в их глазах каким-либо вымышленным идеалом, например, патриотическим или религиозным», как это произошло с церковью и аристократией, которые поэтому были так могущественны в прошлом. По этой же причине легко разлагается, коррумпируется буржуазия в случае прихода к власти, так как она слишком реалистична по своей сущности, чтобы «искать опоры в великих идеалах патриотизма и религии». А «сомнительными и спорными идеалами метафизики и юридического права» буржуазии «никогда не удаётся скрыть, даже от самой себя, свою низкую сущность».³⁶

В результате у Бакунина получается, что эксплуатация и грабёж народа вполне допустимы, не являются разложением и упадком, если прикрываются идеалами, хотя бы и ложными. А при сохранении внутри групп коллективной солидарности и занятие грабежом из-за бедности вполне может считаться достаточно моральными. Бакунин откровенно писал: «Итак, до тех пор, пока индивид сохраняет верность и страстную преданность общим и более или менее идеализированным интересам какого-либо коллектива, как бы ни были аморальны поступки, которые он совершает ради этого сообщества или совместно с ним, нельзя сказать, что он коррумпирован».³⁷

Получается, что если буржуазия стремится к личной выгоде и создаёт рабочие места, способствует увеличению общественного богатства, но при этом не прикрывается какими-либо «более или менее идеализированным интересам какого-либо коллектива», то она однозначно коррумпирована, она разлагается и её надо уничтожать. А грабить и воровать во имя даже фальшивых идеалов коллектива вполне морально и простительно.

Некоторую проблему для Бакунина представляли физические различия индивидов: один больше, другой меньше, одни сильнее других, соответственно, разными были и материальные потребности люди – в пище, одежде. Разными являются и способности людей к занятиям наукой, музыкой, живописью и т. д. Признавая разнообразие людей богатством человечества, Бакунин, тем не менее, надеялся, что после ликвидации неравенства, порождаемого правом наследования, неравенство, вытекающее из различия природных способностей, сил и энергии индивидов, будет, по крайней мере, ослабевать под воздействием равенства в воспитании и социальной организации.³⁸

Но уменьшение разнообразия людей должно привести к снижению творческого потенциала человечества, к уменьшению его возможностей отвечать на вызовы природы и общественного развития. Как обычно, на эти проблемы, вытекающие из его идей, Бакунин не обращал внимания, он или не видел противоречий в своих высказываниях, или не хотел их замечать.

Большое значение для будущего общества справедливости-уравнения Бакунин придавал преодолению различий между умственным и физическим трудом. Он исходил из того,

³⁶ Бакунин М. А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности // Вопросы философии. 1990, №12. С. 59—60.

³⁷ Там же. С. 60.

³⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 292—293.

что труд является основой достоинства человека и его права, «свободным разумным трудом творит человек цивилизованный мир», благодаря труду человек отвоёвывает у живой природы своё человеческое достоинство. Но на идее труда лежит «клеймо бесчестия». Во-первых, потому что с древности существует мнение, что для гуманистического развития посредством науки, искусства, законотворчества, управления меньшей части человечества, большинство должно заниматься физическим трудом в качестве рабов или пролетариев. Во-вторых, из-за разделения труда на умственный и физический, причём первый считается более почётным, доступным только для привилегированного меньшинства. Эта привилегия – умственный труд – закрепляется за меньшинством не законом, а обладанием капиталом, богатством.

Поэтому для Бакунина было недостаточно провозгласить формальную свободу труда, провести, как он говорил, правовую реабилитацию, что сделала уже Французская революция. Необходимо было также ликвидировать разделение на умственный и физический труд.

Бакунин считал настоящим, благородным, трудом только физический труд, заявлял, что уже античные рабы были более нравственными, благодаря «спасительным действиям труда» (физического, естественно). В то же время античная городская община была возвращена «привилегированной праздностью граждан», а мир дворянства был обессилен и деморализован «привилегией праздности».

В современном Бакунину мире теоретически признаётся достоинство труда и в глазах общественного мнения позорно не трудиться, писал он. Но разделение на умственный и физический труд, при котором занятие первым достаётся меньшинству в качестве привилегии по рождению, а не за личные способности, порождает «три великих зла»: «для привилегированных капиталов», для народных масс и, вытекающее из двух предыдущих, для «продукции, благосостояния, справедливости и умственного и морального развития всего общества».

Привилегированные классы страдают от того, что «взяв себе при распределении социальных функций наиболее удобную их часть, они начинают занимать в умственном и моральном мире все менее и менее значительное место». Необходимый для развития ума, науки и искусства досуг надо заслужить «дневным трудом», он должен быть заслуженным отдыхом, зависящим «лишь от большей или меньшей степени энергии, способности и доброй воли отдельного лица и быть предоставлен обществом всем без исключения и в равной мере». А свободное время, предоставляемое по привилегии, только расслабляет, деморализует и убивает ум. История учит, что, за редкими исключениями, привилегированные классы всегда были «наименее продуктивными в умственном отношении, а величайшие открытия в области науки, искусства и промышленности были в большинстве случаев сделаны людьми, которые в юном возрасте были вынуждены зарабатывать себе тяжёлым трудом».

Зло для народа состоит в том, что он «работает для других, и работа его – без свободы, досуга и умственной деятельности – тем самым делается недостойною и унижает, подавляет и убивает его. Он вынужден работать на других, ибо, рождённый в нищете, без воспитания и разумного обучения, морально поработённый религиозными влияниями, он оказывается брошенным в жизнь, безоружным, лишённым авторитета, без инициативы и собственной воли».

Зло для всего общества возникает потому, что «благодаря такому несправедливому и пагубному извращению труд народа становится чисто механическим, напоминающим труд рабочего скота, и, обесчещенный и презираемый, естественно лишается всякого права». Меньшинство, пользующееся монополией науки, само бывает «поражено и в уме, и в сердце в такой степени, что от избытка знаний глупеет; ибо нет ничего вреднее и бесплоднее, как патентованная и привилегированная интеллигентность». А «народ, совершенно лишённый

науки, подавленный повседневным, механическим трудом, который скорее его притупляет, чем развивает его природные интеллектуальные способности, лишённый света, который указал бы ему путь к его освобождению, – народ напрасно надрывается над своей принудительной работой, и так как численное превосходство всегда на его стороне, то он всегда является угрозой существованию самого общества».

С целью преодоления разделения труда на умственный и физический, искоренения порождаемого им зла Бакунин предлагал по-другому организовать существующее несправедливое разделение умственной и физической работы, чтобы оба вида труда стали «единой производительной деятельностью». Он писал: «Когда человек науки будет работать, а человек труда будет думать, интеллигентный и свободный труд будет почитаться лучшим украшением и похвалой человека, основой его достоинства, его права, проявлением его человеческой мысли на земле – и тогда человечество обретёт своё устройство».³⁹

Для Бакунина труд умственный – управленца, учёного, писателя, художника и т. п. не труд вовсе, а развлечение, не требует особых затрат сил, энергии, времени, а является лёгким времяпрепровождением в качестве досуга. Но это совершенно не так, умственный труд требует не только особых способностей, талантов к тому или иному виду деятельности, но огромных затрат энергии. Известно, что даже в обычной жизни большая часть потребляемой человеком энергии расходуется на работу мозга и всей нервной системы, в том числе и при физическом труде.

Большинство свободных граждан античности вовсе не были бездельниками, свободные земледельцы, ремесленники и торговцы численно превосходили рабов и играли определяющую роль в экономике. Большинство дворян в России и других странах не были праздными, а несли военную и государственную службу. Были, конечно, среди них и такие, как Бакунин, которые никогда не служили и не трудились, но это было всего лишь исключение из правил.

Ещё одним краеугольным основанием будущего общества, наряду со справедливостью-уравнением (равенством-справедливостью), Бакунин считал **свободу**.

Свобода для него представлялась высшей целью и смыслом существования, абсолютной ценностью, сущностью человека. Человек, согласно взглядам Бакунина, должен стремиться к познанию мира во всей его всесторонности, чтобы «в этом мире слепой фатальности он мог основать царство свободы», «человек мыслящий, деятельный, сознающий своё человеческое назначение остаётся гордым и спокойным в сознании своей свободы, которую он сам завоёвывает, просвещая, подкрепляя, освобождая и в случае нужды бунтуя окружающий его мир. Вот его утешение, его награда, его единственный рай».⁴⁰

На представления Бакунина о свободе, о её роли в человеческой истории оказала огромное влияние немецкая философия, особенно идеи Гегеля. Он не выводил идею безусловной свободы из законов развития общества, скорее наоборот, история человечества представляла для него прежде всего «свободное, но вместе с тем необходимое развитие свободного духа».⁴¹

В более или менее развёрнутых характеристиках будущего анархического общества, сделанных в 1860-х гг., Бакунин всегда на первое место ставил отрицание бога и принципа власти. Поклонение богу он заменял «уваженьем и любовью к человечеству», человеческий разум определял единственным критерием истины, человеческую совесть основой справедливости, а *«индивидуальную и коллективную свободу единственной созидательницей порядка в человечестве»*.

³⁹ Там же. С. 293—297.

⁴⁰ Там же. С. 222.

⁴¹ Там же. С. 106—107.

Особенно основательно Бакунин рассматривал роль свободы как ключевого принципа общественного устройства: «Свобода есть абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин не искать чьего-либо разрешения на свои деяния, кроме решения своей собственной совести и своего собственного разума, определяться в своих действиях только своей собственной волей и, следовательно, быть ответственным лишь ближайшим образом перед ними, затем перед обществом, к которому они принадлежат, но лишь постольку, поскольку они дают своё свободное согласие принадлежать к таковому».

Теоретик анархизма даже не признавал распространённую в его время точку зрения, что свобода одного гражданина ограничивается свободой всех остальных и неразрывно связывал принципы свободы и равенства. Для него человек свободен только тогда, когда его свобода, признанная «свободной совестью остальных», «находит в свободе других подтверждение и расширение в бесконечность» и «человек действительно свободен только среди равным образом свободных людей, и так как он свободен лишь в своём качестве человека, то рабство хотя бы одного-единственного человека на земле является как нарушение самого принципа человечности, отрицанием свободы всех».

Свобода тесно связывалась Бакуниным не только с равенством, но и со *справедливостью*, которая для него есть «осуществление свободы в правовом и фактическом равенстве».

Свобода должна была заменить религиозный авторитет, закон и мораль: «Уважать свободу ближнего есть *обязанность*; любить его, служить ему есть *добродетель*».

Общество, основанное на принципе «авторитета и государственной необходимости», должно смениться обществом, построенном на принципе свободы, лежащем в основе политической и экономической организации: «*Порядок в обществе должен быть равнодействующей всех местных, коллективных и индивидуальных свобод, достигших возможно высшей степени развития*».

Для достижения этой цели Бакунин предполагал заменить политическую и экономическую организацию общества, построенную на основе принципа сверху вниз и принудительной централизации, организацией – «*снизу вверх и от периферии к центру*, по принципу свободной ассоциации и федерации».

Бакунин заявлял о необходимости отмены политических, социальных, юридических, экономических и финансовых учреждений, институтов, кодексов и т.д., но тем не менее говорил о сохранении республики и введении всеобщего избирательного права, внутренней реорганизации каждой страны на принципе безусловной свободы индивидов, производительных ассоциаций и общин как исходной точки и основы.

Бакунин подробно перечислял индивидуальные права граждан в обществе справедливости-уравнения и свободы. Это, прежде всего, право «каждого отдельного мужского или женского существа пользоваться со дня своего рождения до своего совершеннолетия полным содержанием, охраной, защитой, воспитанием и обучением за счёт общества во всех общественных школах, низших, средних и высших, профессиональных, обучающих искусству и наукам».

Затем следовало: «Равное право каждого на совет и в пределах возможности на помощь со стороны общества в начале своего жизненного пути, каковой каждый достигший совершеннолетия будет избирать свободно; затем общество, объявившее его абсолютно свободным, уже не будет иметь какого-нибудь дальнейшего авторитетного наблюдения за ним и сложит с себя всякую дальнейшую ответственность за него, причем на обществе остаётся лишь обязанность по отношению к нему уважать его свободу и в случае нужды защищать таковую». (От кого, если царят всеобщие равенство и справедливость и все уважают свободу друг друга, как и кто будет защищать, если государства нет? – авт.)

При этом Бакунин не желал ограничивать свободу индивида чем-либо: «Свобода каждого совершеннолетнего индивида, мужчины или женщины, должна быть полной и без-

условной; свобода передвижения, свобода громко высказывать всякое своё мнение, быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным – одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим имуществом, не отдавая в этом никому отчёта; свобода честно жить собственным трудом или позорной эксплуатацией благотворительности или личного доверия, раз последние добровольны и оказываются взрослым лицом». Он был сторонником ведения любой пропаганды любыми средствами без ограничений, кроме силы общественного мнения, за безусловную свободу союзов и соглашений, даже аморальных или кажущимися таковыми, включая те, «целью которых было бы извращение и разрушение индивидуальной и общественной свободы».

В своём стремлении защитить принцип неограниченности свободы индивида Бакунин доходил до крайних пределов: «Свобода может и должна обороняться только свободой». Опасным противоречием и бессмыслицей для него является любое посягательство на свободу под предлогом её защиты: «Ибо мораль не имеет другого источника, другого побуждения, другой причины и другой цели, кроме свободы, а так как она сама не что иное, как свобода, то все налагаемые на свободу в защиту морали ограничения обращаются во вред морали».

Так как причина индивидуальной и социальной аморальности, по мнению Бакунина, лежит только в «дурном общественном и семейном воспитании», в отсутствии или извращении общественного мнения, которое может существовать только благодаря свободе, а больше всего в «ошибочной организации общества», то необходимо прежде всего полностью разрушить основанную на неравенстве, привилегиях, божественном авторитете и презрении к человечеству политическую и общественную организацию и перестроить её «на основах полнейшего равенства, справедливости, труда и воспитания, опирающегося на разум и вдохновляемого лишь уважением к человеку, мы должны поставить её под охрану общественного мнения и вложить в нее душу безусловнейшей свободы».

Тем не менее, Бакунин допускал право обществ, нации, провинции или общины лишать взрослых индивидов их политических прав, если они не работают и живут за счёт общественной или частной благотворительности не будучи инвалидами, больными или старыми как средство борьбы с паразитирующими, злостными и вредными субъектами.

Бакунин предусматривал запрет на юридическое оформление продажи своей свободы при допущении добровольного рабства без контракта с лишением таких рабов политических прав и права воспитывать своих детей на время рабства.

Как ни странно, в анархическом безвластном обществе Бакунина всё же должны были наличествовать наказания и законы. Наказания могли накладываться на посягнувшего «на собственность, личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца» согласно «местным законам».⁴²

Большое значение Бакунин придавал различного рода ассоциациям и принципу федерации. По его мнению, кооперативные рабочие ассоциации могли создать новый общественный строй на основе различных промышленных групп, организованных согласно нуждам производства, вместо наций и политики.

Как и в отношении свободы индивидов, Бакунин признавал только принцип абсолютной, ничем и никем неограниченной свободы, неограниченной даже для защиты общества от злоупотреблений этой свободой: *«Все ассоциации, какая бы ни была их цель, равно как и все индивиды, должны пользоваться безусловной свободой. Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация – не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели – религиозной, политической, научной, промышленной, художественной или даже в целях взаимного развращения*

⁴² Там же. С. 276—282.

и эксплуатации людей беспечных и глупых, при условии, *что последние уже достигли совершеннолетия*. Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения». Но и «общественное мнение» может только лишать «губительные ассоциации» общественной гарантии, отказывать в юридическом признании, в политических и гражданских правах.

При административно-территориальном делении страны должны учитываться исторические традиции, потребности данного времени и особые обстоятельства, считал Бакунин, но при неперменной обязательности и всеобщности двух принципов: все организации должны идти снизу вверх от общины к центральному единству путём федерации и между общинами и государством должен стоять по меньшей мере один автономный посредник: департамент, область или провинция. Этот посредник необходим для сопротивления «равномерно и деспотически централизующему давлению государства». (Хотя государства не должно было быть совсем – В.Б.).

Бакунин также подробно описывал принципы организации федеративного устройства общества снизу вверх от автономной общины до интернациональной федерации, социальной организации на основе равенства и справедливости, труда, общественного воспитания.

Легальная семья Бакуниным упразднялась, церковный и гражданский брак заменялись свободным, общество обязывалось содержать беременных женщин и кормящих матерей, родители могли оставить у себя детей и воспитывать их только под опекой и надзором общества, так как дети не принадлежат ни родителям, ни обществу, а только себе и своей будущей свободе, а родители являются всего лишь их естественными опекунами, однако законный и верховный их опекун – общество.

В воспитании детей церковь у Бакунина заменялась школой. Именно школа должна была воспитывать подрастающие поколения на началах разума, истины, справедливости, уважения к человеку, сознания собственного достоинства, неразрывно связанного с человеческим достоинством других, любви к свободе для себя и для всех других, культа труда как основы и условия всякого права, презрения к неразумию, лжи, несправедливости, трусости, рабству и праздности. Общественное воспитание, возложенное на школу, должно было сначала «образовать людей, затем рабочих, – специалистов и граждан». По мере взросления детей начало авторитета должно, естественно, всё более и более уступать своё место в воспитании началу свободы, чтобы при достижении зрелости, а, следовательно, полноправной свободы юноши забыли о властвовании над ними кого или чего либо. «Уважение к человеку, этот зародыш свободы, должно оставаться налицо даже при самых суровых и безусловных проявлениях авторитета».

Совершеннолетнего юношу предлагалось объявлять свободным и безусловным хозяином своих поступков. В качестве компенсации общественных затрат за время его детства от него требовались только оставаться свободным, жить своим трудом и уважать свободу других.

Бакунин исходил из того, что преступления и пороки порождаются только дурной социальной организацией, поэтому «при организации и воспитании, основанных на разуме, справедливости, свободе, уважении к человеку и полном равенстве, добро станет правилом, в то время как зло будет представлять болезненное исключение, которое под всемогущим влиянием морализованного общественного мнения будет всё реже и реже встречаться».

Старики и больные, при сохранении всех политических прав, должны будут пользоваться «обильным содержанием и полным уходом за счет общества».⁴³

Большое внимание Бакунин уделял методам достижения идеального общества справедливости-уравнения и свободы. Путь к светлому будущему у него пролегал через соци-

⁴³ Там же. С. 282—301.

альную революцию. Эта революция должна была полностью разрушить старый мир, уничтожить всех эксплуататоров и их подручных, притом уничтожить в том числе физически, а не просто отменить частную собственность, деление общества на классы, привилегированные группы. Революцию должен был, по мнению теоретика анархизма, совершить сам народ, всегда готовый к революции в виде бунта.⁴⁴

Отметим несколько важных положений взглядов Бакунина на революцию, народ, роль науки и молодёжи в разрушении старого мира.

Во-первых, Бакунин считал бунтарём и социалистом по своей природе не только русского крестьянина, но и германских крестьянина и рабочего, надо полагать, вообще всех эксплуатируемых, вне зависимости от национальности. В Европе он поддерживал отношения с анархистами разных стран, участвовал в революционных выступлениях во Франции и Германии.⁴⁵

Во-вторых, Бакунин никогда не заботился об объективных предпосылках революции, для него она была возможна в любой момент и главное для него заключалось в наличии революционного инстинкта, инстинкта свободы, «страсти к равенству», «святого чувства бунта и уверенности в своей правоте. Отсюда отрицание им необходимости в пропаганде, оцениваемой как празднословие, и призыв к делу, допущение любых средств совершения революции-бунта.⁴⁶ Народ – бунтарь по своей природе и надо только соединить его отдельные выступления в один всеобщий бунт, т.е. народную революцию.

В-третьих, очень противоречивым было отношение Бакунина к образованию, просвещению, науке, знаниям.

Анархист призывал молодёжь учиться у народа, который «Западом никогда не увлекался, потому ему и до отрицания его нет никакого дела», заявлял, что «главное то, что со всею своею наукою мы бесконечно беднее народа». Он признавал, что народ груб, безграмотен, но «зато в нём есть жизнь, есть сила, есть будущность – он есть», а жизнь образованной части общества «пуста и бесцельна», у неё «нет ни дела, ни поля для дела».⁴⁷

Бакунин не ставил задачу просвещения народа, наоборот, он видел в его невежестве и зверином состоянии положительную сторону – рабочие и крестьяне «сохранили свежесть ума и сердца», нравственное здоровье, имеющееся у них благодаря труду, помогло им сохранить чувство справедливости, здравый смысл, способность сочувствовать несчастьям других.⁴⁸

Но в философских и теоретических работах Бакунин высоко оценивал значение науки, научного знания, постоянно подчёркивал подчинённость природы вообще и человечества в частности природным и общественным закономерностям, в познании которых он видел ключевое отличие человека от животного мира. А в революционных сочинениях, в обращениях к молодёжи он отрицал вместе с другими ценностями старого мира и старые знания, призывал удалиться из университетов и учиться у народа.

У теоретика анархизма получалось, что наука необходима «для рациональной организации общества», но неспособна заниматься «реальным и живым» и поэтому «не должна вмешиваться в реальную и практическую организацию общества».

Для решения этой проблемы Бакунин предлагал ликвидировать науку «как моральное начало, существующее вне всеобщей общественной жизни и представленное корпорацией патентованных учёных» и распространить её в широких народных массах, наука должна

⁴⁴ См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. С. 138—177.

⁴⁵ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 490, 486—487.

⁴⁶ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 218—222.

⁴⁷ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 334—336.

⁴⁸ Там же. С. 162.

стать коллективным сознанием общества и всеобщим достоянием. Сохранив в таком случае свой универсальный характер и продолжая заниматься общими причинами и условиями, общими отношениями индивидов и вещей, наука «в действительности сольётся с непосредственной и реальной жизнью всех человеческих индивидов». Он проводил параллель с Реформацией, которая отрицала необходимость в священниках, так как теперь каждый человек мог стать собственным священником.⁴⁹

Предложение Бакунина могло привести только к ликвидации науки как таковой, как вида профессиональной специализированной деятельности и ни к чему иному. Наука, как и любой более или менее сложный вид деятельности, требует длительной и сложной специальной подготовки, больших затрат умственной энергии и не может существовать в ином виде. А у протестантов очень рано появился институт священников, а авторитетные учителя и наставники были изначально.

Бакунин утверждал, что социально-экономическая наука доказала необходимость уничтожения личной наследственной собственности, а, следовательно, коллективной как необходимого условия будущего социального строя и таким образом дошла до «отрицания самой идеи государства и государственования, т.е. управления обществом сверху вниз во имя какого-либо права и пришла к анархии, поэтому «никакой учёный не в состоянии научить народ, не в состоянии определить даже для себя, как народ будет и должен жить на другой день социальной революции».⁵⁰

У Бакунина выходило, что, если научные исследования можно использовать для обоснования анархизма, то — это наука, а если нет — то шарлатанство.

На первый взгляд, понимание Бакуниным роли науки и просвещения в обществе являются простыми и неопасными заблуждениями. Но это не так, потому что он сам делал из этого серьёзные выводы и призывал молодёжь: «Интересы современной, реальной науки есть интересы царя и капитала, которым она исключительно служит, исключительно потому, что до сих пор ни из одного открытия не сделано прямого приложения к народной жизни; все открытия или эксплуатированы барством, дилетантами, торгашами, или приноравливаются на увеличение военных сил. Вся изобретательность учащихся направлена в сторону не народную, и потому интересы этой реальной науки не есть наши интересы... Данное поколение должно само образовать ничего не щадящую грубую силу и идти безостановочно по дороге разрушения. **Здоровый не испорченный мозг молодежи должен понять, что гораздо человечнее резать и душить десятки, много сотни, ненавистных людей** (выделено авт. — В.Б.), чем участвовать с этими людьми в систематических *законных* убийствах, мучениях и терзаниях миллионов мужиков, как участвуют более или менее непосредственно наши чиновники, наши учёные, наши попы, наши купцы, словом, все сословные, гнетущие бессословных!... Пусть же все здоровые молодые головы принимаются немедленно за *святое дело* истребления зла, очищения и просвещения Русской Земли огнём и мечом, братски соединяясь с теми, которые будут делать то же в целой Европе».⁵¹

В другой прокламации 1869 г. Бакунин призывал: «Итак, молодые друзья, бросайте скорее этот мир, обречённый на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда разъединить вас с народом. Ступайте в народ! Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, как служить народу и как лучше вести его дело. Помните, друзья, что грамотная молодёжь должна быть не учителем, не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальной бабкою самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтоб приобрести спо-

⁴⁹ Там же. С. 587—590, 594—596.

⁵⁰ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 306—307.

⁵¹ Там же. С. 222.

способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе. Не хлопчите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа»⁵².

Человеку, не отягощённому знанием, культурой, не занимающемуся повседневным трудом действительно легче «резать и душить». В этом Бакунин абсолютно прав. И эти его идеи многократно подтверждены историей, особенно в XX – и в начале XXI в. – хунвейбины в маоистском Китае, красные кхмеры в Камбодже, дети-солдаты в африканских странах. Но все эти случаи массовой резни во имя высоких целей, в том числе создания общества справедливости-уравнения к успеху не привели.

Хотя Бакунин постоянно повторял мысль о народе как главной революционной силе, его стихийной готовности к бунту, призывал молодёжь учиться у народа, раствориться в нём, тем не менее, он придавал большое значение деятельности отдельных личностей в революции. Эти личности должны были просветить народ, сформулировать народные желания, требования и идеалы, понимание будущего, так как сам тёмный народ сделать это не в состоянии. Они же должны объединить раздробленный и разобщённый народ, организовать его одновременное восстание. Призывать революционную молодёжь «раствориться в народе», утверждать, что надо учиться не в школах и университетах, а у народа и тут же заявлять о неспособности народа сформулировать свои требования и идеалы, о том, что это должны сделать за народ революционные личности – более чем нелогично. Но бакунинские идеи пронизаны подобного рода противоречиями.

Так как существует опасность, что во главе революции окажутся какие-нибудь честолюбивые проходимцы, поначалу революционеры и демократы, Бакунин полагал, что революционные личности не должны стоять во главе толпы и ею повелевать, а должны действовать скрытно в самой толпе и незаметно связывать своей деятельностью одну толпу с другой, также незаметно придавать движению одно направление, один дух и характер. Только в таком случае имеет смысл и необходимость создание «тайной подготовительной организации».⁵³

Для борьбы с централизованным государством революционеры вынуждены создавать революционные организации на основе «строжайшей организационной дисциплины, основанной на полнейшем самоотвержении и самозабвении каждого – надо, говорю я, чтоб они всегда и везде действовали, как один человек». И Бакунин уподоблял революционную организацию штабу революционного войска, а весь народ – этому войску.

Опасность проникновения в революционную организацию недостойных людей, способных превратить её в порабощающую народ силу и использовать её в корыстных целях, Бакунин надеялся предотвратить введением полного самоотречения, отказа от личной собственности, от официальной или публичной власти и силы, вообще от всякого значения в гражданском обществе для революционеров, даже отказа ими от собственной воли. Он подчёркивал, что «действует не лицо, а только коллективность».⁵⁴

Опасность превращения революционеров, освободителей народа, в его поработителей, в диктаторов осознавалась в 1860—1870-е гг. как самими революционерами, так и их оппонентами. И единственным ответом на эту весьма реальную опасность у самих революционеров была надежда на высокие моральные качества революционеров, особенно их вождей. Отсюда Рахметов и новые люди Чернышевского, которые появляются из ниоткуда накануне революции и исчезают в никуда после неё, так как неприспособленны к мирной жизни.

⁵² Там же. С. 213.

⁵³ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 219.

⁵⁴ Там же. С. 280—282.

Но надежды на высокоморальных личностей чреваты большими бедами. Достоевский уже тогда прямо ставил вопрос: «Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего её могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли... Но тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который если попадётся под машину, то всё разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчёт в пользу собственной выгоды. Например: я приношу и жертвую всего себя для всех; ну вот и надобно, чтоб я жертвовал себя совсем, окончательно, без мысли о выгоде, отнюдь не думая, что вот я пожертвую всего себя и за это само общество отдаст мне всего себя».⁵⁵ Эту проблему Достоевский ставил и в своих романах, особенно «Бесах» и «Преступлении и наказании».

Кроме самоотречения, другой способ предотвращения морального разложения революционеров Бакунин видел в строжайшей дисциплине, в отказе от своей принципиальнейшей идеи абсолютной и ничем неограниченной свободы. Многократно говоривший о праве каждого индивида входить в какую-либо ассоциацию и выходить из неё, он лишал этого права революционеров – вступление в организацию было свободно, но выход из неё невозможен, вступление было *«безвозвратно»*.

Бакунин высказывал себя сторонником самого крайнего фанатизма, подчинённости личности «торжеству народного дела» вплоть до ненависти ко всему, что может помешать этому делу, железной дисциплины, отказа от обсуждений и споров даже внутри революционной организации. Теоретик анархизма понимал, что в таком случае возможно установление диктатуры руководства революционной организации. Но он надеялся, что наличие чёткой программы, рекомендации вновь вступающим со стороны доверенных лиц, коллективизм и взаимный контроль, прозрачность действий (как этого добиться при полной секретности? – В.Б.), «вечная неизвестность», «пожизненная незначительность» и отказ от высоких должностей в случае победоносной революции лидеров организации, отсутствие группировок позволит предотвратить нежелательное развитие событий и установление диктатуры вождей.

Но при этом Бакунин считал необходимым, чтобы рядовые члены революционной организации не знали руководителей и руководство бы само пополнялось за счёт «наиболее достойных».⁵⁶

Бакунин описывал организационные принципы революционной организации на примере Комитета «Народной расправы» С. Нечаева, организации совершенно мифической, не существовавшей. Но как раз эти организационные принципы создавали и создают почву для мистификаций, для установления диктатуры руководителей, злоупотреблений с его стороны, морального и политического разложения.

Ошибочно думать, что на Бакунина подействовало обаяние личности С. Нечаева и он пошёл у того на поводу и сформулировал организационные принципы, прямо противоречащие основополагающим идеям анархизма. Вовсе нет, как раз статьи Бакунина оказали влияние на формирование взглядов Нечаева.⁵⁷ В одной из них Бакунин прямо писал: «Без дисциплины, без строя, без скромности перед величием цели мы будем только тешить врагов наших и никогда не одержим победы».⁵⁸

⁵⁵ Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. V. Л., 1973. С. 79—80.

⁵⁶ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 282—284.

⁵⁷ Там же. С. 175—176.

⁵⁸ Бакунин М. А. Анархия и Порядок. Сочинения. С. 337.

Для С. Нечаева были характерны мистификация, прямой обман, фальсификация, применение подлога, рассылка прокламаций по почте, что было чревато арестом для получателей, использование любых методов, вплоть до убийства для привлечения людей в революционную организацию и удержания их в ней. И на словах, и на практике Нечаев проводил принцип – «цель оправдывает средства». Бакунин мало уступал ему в этом.⁵⁹ Но негодными средствами нельзя добиться достижения хороших целей, тем более и цели были неверно поставлены.

Надежды Бакунина на массовое народное восстание весной 1870 г. оказались напрасными. Русские крестьяне предпочли от помещиков откупиться, а не бунтовать, анархические идеи общества справедливости-уравнения они не воспринимали, а сами народники от безудержной веры в революционные возможности народа пришли к тактике террора и идее права революционеров применять силу к самому народу в случае, если он не следует вслед за революционерами.⁶⁰

Разочаровался в народе в конечном итоге и сам неистовый революционер и бунтарь Бакунин, написавший 15 июля 1875 г. Э. К. Ралли: «...Оглядываясь на окружающие нас события и явления момента, в который мы живём, на подлость, мелкоту, трусость, бездушные характеры; на полное отсутствие честных стремлений (в большинстве), на тупость, эгоизм, на буржуазность, и беспомощность пролетариата, на стадность, на самолюбование и проч... на весь современный склад нравственной личности, на социалистическую развращённость рабочего, испорченного болтовней и утратившего даже инстинкт, – я ничего не жду от современного поколения. Знаю только один способ, которым ещё можно служить делу революции, – это срывание масок с так называемых революционеров. Почва наша до того засорена, что много надо трудов, чтобы только очистить её от всякой дряни, и то, что бы ни посеялось, всё заглушится сорной травой и бурьяном. Пример всюду: во Франции, Италии, Испании, в Швейцарии. Могу назвать тысячи. Произрастание бурьяна и сорных трав – вот период, в котором мы живем. Суемудрие, скажете вы? – Какой чёрт суемудрие, разве вы не знаете, что в революционной партии на 100 человек, наверно, 90 подлецов и негодяев, вредящих делу. Это между интеллигенцией, а в народе? Вот с каких пор я наблюдаю и вдумываюсь в народ, после Парижа, Лиона, после французской войны и Коммуны, везде вижу одно – лишь полное отсутствие человечности, одну лишь цивилизационную гангрену буржуазных стремлений. Исключения редки и даже, по-моему, необъяснимы. Что же делать? Ждать. Ждать, что, может быть, обстоятельства европейские сложатся круче, т.е. совокупность экономических и политических условий. Индивидуальная же деятельность, организаторская, агитаторская не приблизит, не изменит ничего. Поле не за нами, а за сорной травой. – Все Марксы, Утины, все практические подлецы могут ещё действовать, т.е. исполнять своё назначение – развращать человеческую мысль и волю. Тут попроще готовое и подготовка богатая и задатки громадные. Наш час не пришёл».⁶¹

Бакунинские идеи бунтарского анархизма были очень популярны у революционных народников 1860—1870-х гг.⁶², они оказали влияние даже на участников второго общества «Земля и Воля», возникшего в 1876 г. хотя это общество создавалось для организации пропаганды среди народа (вторая волна «хождения в народ»), но характер этой пропаганды, её содержание и формы (составлялись даже подложные манифесты от имени царя), отражало

⁵⁹ Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864—1873 годы. М., 1984. С. 153—210, 240—243; Она же. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 17—18.

⁶⁰ См. подробнее: Болоцких В. Н. Мораль и личность российских революционеров. Новосибирск, 2000.

⁶¹ Цит. по Пирумова Н. М. Предисловие к публикации // Бакунин М. А. Коррупция. – О Макиавелли. – Развитие государственности. Вопросы философии. 1990, №12. С. 55.

⁶² Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов // Революционеры 1870-х годов. Л., 1986. С. 156—157, 159—163; Канев С. Н. Революция и анархизм. С. 143—165.

установку Бакунина на анархистско-бунтарскую тактику, на агитацию фактами. Идеи Бакунина составляли идейную основу радикализации народничества, его скатывания к террору.⁶³

Бакунин был абсолютно прав в том, что разрушить мощную государственную машину без дисциплинированной, строго иерархичной организации невозможно. Но это означает, что он был абсолютно не прав в главном в своей революционной теории – невозможно создать общество всеобщего равенства с абсолютной, ничем не ограниченной свободой абсолютно свободных, не имеющих никаких взаимных обязательств, личностей.

Теория анархистского общества Бакунина с его верой в бунтарский характер народа пронизана противоречиями. От отрицал государство и власть в любом виде, призывал к их полному и немедленному разрушению, провозглашал принцип абсолютной и ничем неограниченной свободы личности при полном равенстве, описывал достоинства разного рода ассоциаций в будущем обществе с правом индивидов свободно входить в них и выходить из них, предусматривал право любых ассоциаций входить в состав федераций. Он полагал, что бороться с аморальными личностями и аморальными поступками можно только силой общественного мнения. Но в то же время упоминал всеобщие выборы, законы, наказания – атрибуты государства. Таким образом, получалось восстановление государства, но только под другим названием.

⁶³ Рудницкая Е. Л. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 18.

3. Анархо-коммунизм князя П. А. Кропоткина

Революционная идеология в России в 1870—1890-е гг.

Бунтарский анархизм Бакунина был очень популярен среди революционной молодёжи 1860—1870-х гг., но склонность народа, прежде всего крестьян, к бунту оказалась сильно преувеличенной. После провала надежд на стихийную народную революцию, приуроченную к основным этапам крестьянской реформы, народники отправились в народ для побуждения его к бунту.

Кропоткин, правда, в «Записках революционера» писал, что первоначально намерения образованной молодёжи были самые мирные, что её представители отправлялись в деревни как врачи, фельдшера и фельдшерицы, акушерки, народные учителя и учительницы, волостные писаря ради служения «беднейшей части народа», что «у всех их не было никакой ещё мысли о революции, о насильственном переустройстве общества по определённому плану», что «они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни».⁶⁴ Но сам же сообщал, что в программе «чайковцев», которую он составил, целью движения намечались крестьянские движения и захват земли, а призыв Лаврова о необходимости учиться в университетах возмутил всех.⁶⁵

Пропаганда бунта началась, по словам Кропоткина, только в 1874 г. под давлением сильнейших преследований со стороны жандармов и полиции, а также невыносимо жестоких приговоров участникам «хождения в народ».⁶⁶

На самом деле «хождение в народ» изначально преследовало цель подталкивания народа к немедленной социальной революции, о чём свидетельствуют воспоминания самого Кропоткина, когда он рассказывает о конкретных примерах.

Провал «хождения в народ», невосприимчивость крестьянства к идеям всеобщей революции и построения общества на принципах справедливости и равенства привели сначала к принятию значительной частью народников идеи политической борьбы, к политическому террору, к принятию бланкистской тактики, к допущению применения насилия по отношению к народу, не воспринимающему революционные идеи и не понимающему своего счастья, а затем к разгрому революционного народничества после убийства Александра II. Наступил период спада революционного движения в России. В это время зародилось марксистское течение, появилось либеральное, реформистское народничество, стала довольно популярной «теория малых дел».

А. К. Маликов, приговорённый в 1866 г. к ссылке за принадлежность к группе каравозовцев, а в 1870-е гг. примыкавший к кружку чайковцев, создал «религию богочеловечества». Путём распространения идей «богочеловечества» он надеялся преодолеть все антагонизмы, изжить классовую борьбу. М. Ф. Фроленко в воспоминаниях так передавал содержание этой проповеди: «Люди — боги... стоит только людям поверить в это (найти в себе бога, как выражались тогда), и с них спадёт кора всех порочных страстей и чувств, и они превратятся в непорочных агнцев, не способных ни на что злое, дурное. Мир быстро обновится, и на земле водворится земной рай... Тут не требовалось ни заговоров, ни скрыт-

⁶⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990. С. 270—271, 402.

⁶⁵ Там же. С. 274—275, 321.

⁶⁶ Там же. С. 333.

ности, ни революции, никаких бунтов. Всё дело только в том, чтобы отказаться от налипших недостатков, почувствовать себя богочеловеком, уверовать в это».⁶⁷

Идеи А. К. Маликова не получили тогда особого распространения, а сам он после неудачной попытки создать коммуну в Америке, разочаровался в своём учении, которое, как пишет С. Н. Канев, «рассеялось как дым от поповского кадила», а «его творец превратился в страстного приверженца православия».⁶⁸

С. Н. Канев не прав в том, что идеи «богочеловечества» рассеялись как дым. Дело даже не в том, что в начале XX в. часть революционеров, в том числе марксисты, будет высказывать подобные идеи. Дело в том, что любая коммунистическая теория, кто бы её не проповедовал – марксисты, анархисты, эсеры, христиане, мусульмане, атеисты – по сути, является «богочеловеческой». Потому что коммунизм невозможен без «непорочных агнцев», которые лишь силой своей веры в высокие идеалы избавились от порочных страстей и чувств, от жадности, лени, сластолюбия, зависти и т. п. И стать такими «непорочными агнцами» должны стать все, **абсолютно все** люди.

В это же время в России появляются идеи коммунистического анархизма, способы достижения которого понимались по-разному. Например, граф Л. Н. Толстой высказывался за мирный переход к безгосударственному и безвластному обществу, без революционного насилия путём непротивления злу.⁶⁹

В 1880—1890-е гг. князь П. А. Кропоткин разрабатывает свою концепцию анархо-коммунизма или анархического коммунизма. Как и Бакунин, Кропоткин выступал за революционный путь достижения высшей цели, но без бунтарских кровавых крайностей. Представления князя-анархиста об анархическом обществе также существенно отличались от бакунинских.

⁶⁷ Цит. по: Канев С. Н. Революция и анархизм. С. 176.

⁶⁸ Там же. С. 175—177.

⁶⁹ Там же. С. 178—189.

П. А. Кропоткин – путь в революцию

Кропоткин принадлежал к старинному княжескому роду Рюриковичей. В отличие от Бакунина, который нигде и никогда систематически не учился, Кропоткин прошёл курс гимназии, закончил одним из первых учеников привилегированный Пажеский корпус и Петербургский университет. После окончания Пажеского корпуса Кропоткин несколько лет служил в Сибири, большей частью на Амуре. Он рано проявил склонность к научной работе и много занимался географическими исследованиями, был членом Русского географического общества и его ожидало блестящее будущее учёного.

Детские впечатления от общения с крепостными крестьянами, увлечение естественными науками оказали значительное влияние на формирование личности и взглядов будущего революционера-анархиста. Крепостные люди хорошо относились к рано потерявшим мать братьям Кропоткиным – Александру и Петру. Эта заботливость и участливость со стороны рабов породили ответное желание сделать им что-то хорошее и со временем Кропоткин встал на путь революционера. Он писал о проявлениях самостоятельности, «духе равенства» в крестьянах, которые беспрекословно повинуются помещику или полицейскому чиновнику, но «отнюдь не считают их высшими людьми», могут на равных говорить с баринем о понятных для них вещах, об отсутствии в русском крестьянине подострастия, характерного для мелких чиновников и лакеев.

В «Записках революционера» Кропоткин описывает случай, который оказал существенное воздействие на формирование его личности, отношение к крестьянам и формирование революционных воззрений. В 15 лет он впервые путешествовал самостоятельно из Калуги в Москву на почтовом тарантасе. Во время остановки в большом селе государственных крестьян, довольно зажиточном, молодой князь зашёл в харчевню, где у него завязался разговор с местными мужиками об урожае, о погоде, о сене. Кропоткин вспоминал: «Затем мне стали задавать различные вопросы. Крестьяне хотели знать всё о Петербурге, а в особенности о ходивших тогда слухах о близости воли. И на меня повеяло каким-то особенно тёплым чувством простоты, сердечности и сознания равенства – чувством, которое я всегда испытывал впоследствии среди крестьян. Ничего особенного не случилось в этот вечер, так что я даже себя спрашиваю, стоит ли упоминать о нём. А между тем тёплая тёмная ночь, спустившаяся на деревню, маленькая харчевня, тихая беседа крестьян, их пытливые расспросы о сотне предметов, лежащих вне круга их обычной жизни, – всё это сделало то, что с тех пор бедная белая харчевня стала для меня привлекательнее богатого, модного ресторана».⁷⁰

Спустя десятилетия у Кропоткина сохранились только самые благоприятные оценки поведения крестьян после отмены крепостного права. Он писал о том, что был поражён летом 1861 и 1862 годов тем, «как разумно и спокойно приняли крестьяне новые условия», несмотря на понимание тяжести выкупных платежей. С его точки зрения это произошло по той причине, что крестьяне «так высоко ценили своё личное освобождение от рабства». Кропоткин всячески выискивал следствия свободного труда. Крестьяне сначала два месяца праздновали волю по два дня в неделю, но когда наступило лето, «они принялись за работу ещё с большим усердием, чем прежде». Будущий анархо-коммунист писал, что «не мог налюбоваться» крестьянами через 15 месяцев после освобождения: «Врождённая доброта их и мягкость остались, но клеймо рабства исчезло. Крестьяне говорили со своими прежними господами как равные с равными, как будто бы никогда и не существовало иных отношений между ними».

⁷⁰ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 105—107.

Правда, Кропоткин отмечал, что из дворовых крестьян почти никто не остался у помещиков, в том числе у его отца.⁷¹

Но надо иметь в виду, что Кропоткин не представлял себе всей тяжести повседневной крестьянской жизни, он видел только то, что хотел видеть – положительные стороны поведения и личности крестьян, но не хотел видеть и не видел отрицательных проявлений – жадности, лени, иждивенчества многих. Что кроме харчевен были и кабаки. Он только в Сибири более тесно общался с разными категориями крестьян, да и то, только сталкивался, а не жил крестьянской жизнью. Анархист даже не задумывался: почему русские крестьяне живут общиной, почему они проводят уравнительные переделы пашни, почему так распространена среди них взаимопомощь, почему эти явления не характерны для сельских жителей более развитых экономически стран. Он просто восхищался преимуществами, как он думал, общинной жизни, верил, что доброта и мягкость русских крестьян являются врождёнными, но не хотел замечать, что жадность и жестокость многих такие же «врождённые» качества. Идеализация крестьянства Кропоткиным носит такой же ярко выраженный характер, как у всех русских народников XIX – начала XX в.

Увлечение же естественными науками, особенно теорией Дарвина, придали анархическим взглядам Кропоткина ярко выраженный биологизаторский характер.

Творческое наследие Кропоткина огромно. Множество сочинений издавалось на иностранных языках в период более чем 40-летней жизни за границей, а потом переводилось на русский, но не все. Многие не переиздано со времени первой публикации. В сочинениях анархиста много повторов, так как они часто носили пропагандистский характер, в новые издания вносились дополнения и уточнения. В данной работе анализ анархизма Кропоткина проводится на примере его основных теоретических сочинений «Хлеб и воля», впервые изданного в 1892 г. на французском языке под названием «*La Conquête du pain*» (Завоевание хлеба) на основе газетных статей, и «Современная наука и анархия», впервые полностью опубликованная на английском языке в 1912 г. и в основе которой легли статьи для английского научного журнала «*Nineteenth Century*» за 1892 г. Эти работы были изданы в 1919—1920 г. в Советской России, дополнены и просмотрены самим Кропоткиным. На основе этих публикаций осуществлено издание в 1990 г.

⁷¹ Там же. С. 132—133.

Основные положения теории анархического коммунизма

Одним из ключевых положений теории анархистского коммунизма Кропоткина была идея общности средств производства и потребления, а также распределения последних по принципу – каждому по потребностям. Под это положение он подводил историческое обоснование.

За тысячелетия своей истории человек «успел накопить несметные сокровища», писал Кропоткин в начале «Хлеба и Воли»: «Он расчистил почву, осушил болота, прорезал леса, проложил дороги; он строил, изобретал, наблюдал, рассуждал; он создал множество сложных орудий, вырвал у природы её тайны, завладел паром, – так что в настоящее время ребёнок, родящийся в цивилизованной стране, имеет с самого появления на свет в своём распоряжении целый огромный капитал, накопленный теми, кто жил и работал до него. И этот капитал даёт ему возможность произвести при помощи своего труда, соединённого с трудом других, богатства, перед которыми бледнеют все сокровища Востока в сказках „Тысячи и одной ночи“».

Кропоткин приводил примеры технических и технологических достижений человечества к концу XIX в., он был уверен, что благодаря этим достижениям человечество уже могло бы обеспечить всем богатую и роскошную жизнь. Но при условии, что они были бы «приложены к достижению благосостояния для всех».

Но откуда вокруг столько нищеты, откуда этот тяжёлый труд, отупляющий народные массы, откуда неуверенность в завтрашнем дне даже у неплохо зарабатывающего рабочего, когда накоплено столько богатств и «имеются такие могущественные орудия производства, способные дать довольство каждому взамен нескольких часов ежедневного труда», задавался вопросами теоретик анархического коммунизма.

Он объяснял это противоречие, как все социалисты, тем, что необходимые для производства «земля, угольные копи, машины, пути сообщения, пищевые продукты, дома, воспитание, знание, – всё было **захвачено** (выделено авт. – В.Б.) в свою пользу небольшой горстью людей в течение долгой истории, составившейся из грабежей, переселений, войн, невежества и насилий».

И эта «кучка людей», ссылаясь на якобы приобретённые в прошлом права, «присваивает себе по крайней мере две трети продуктов человеческого труда, а затем расточает их самым бессмысленным, самым возмутительным образом». Тем самым эти владельцы средств производства довели до нищеты крестьян и рабочих, мешают рабочему «производить то, что нужно всем, и заставляют производить не то, что нужно другим, а то, что даёт наибольший барыш хозяину».

Кропоткин ещё и ещё раз повторял свою мысль, что все достижения человечества – расчищенные поля, шоссейные и железные дороги, города, дома, заводы, фабрики, сама цивилизация – это плод труда миллионов «давно погребённых в землю рабочих». Даже мысль, даже гений изобретателя – явления коллективные. Он вполне справедливо обобщал: «Наука и промышленность, знание и его приложение, открытия и их практическое осуществление, ведущее к новым открытиям, труд умственный и труд ручной, мысль и продукт материального труда – всё связано между собою. Каждое открытие, каждый шаг вперёд, каждое увеличение богатств человечества имеет своё начало во всей совокупности физического и умственного труда как в прошлом, так и настоящем».

Анархист задавал вопрос, очень характерный для социалистов, коммунистов и анархистов: «По какому же праву, в таком случае, может кто-нибудь присвоить себе хотя бы малейшую частицу этого огромного целого и сказать: это моё, а не ваше?»

Владельцы земли, фабрик и заводов, угольных копей, одним словом, средств производства, искусственно сдерживают рост производства ради поддержания цены и получения высоких прибылей. И человеческие общества неизбежно погибнут, полагал Кропоткин, если не вернуться «к основному принципу, состоящему в том, что раз орудия производства представляют собою продукт труда всего народа, то они должны перейти в руки всего народа. Частное присвоение их и несправедливо, и бесполезно. Всё принадлежит всем, так как все в нём нуждаются, все работали для него по мере сил, и нет никакой физической возможности определить, какая доля принадлежит каждому в производимых теперь богатствах».⁷²

В «Хлебе и Воле» и в последующих сочинениях Кропоткин не раз подчёркивал, что современное производство (это 1880 – начало 1890-х гг.) способно прокормить, одеть, обеспечить жильём и другими необходимыми предметами всех живущих. Надо только прекратить выпуск предметов роскоши, дать возможность крестьянам свободно обрабатывать все пригодные земли, рабочим работать без всяких ограничений.

Правда, в «Записках революционера» он уточнил свои взгляды. Наблюдения над реальной жизнью, знакомство с положением дел на заводах и фабриках, в кустарных мастерских Англии и Шотландии во время поездок с лекциями заставили анархо-коммуниста усомниться в способности «цивилизованного общества» обеспечить благосостояние всем. Увиденное убедило его в том, что «при современной системе частной собственности само производство, ведущееся ради прибыли, приняло ложное направление и оно совершенно недостаточно даже для удовлетворения основных жизненных потребностей всего населения» и что «при такой низкой производительности „благосостояние для всех“ невозможно». Становящееся «перепроизводство» является результатом бедности основной массы населения, неспособного покупать даже самое необходимое. Тем не менее, Кропоткин остался при убеждении что, хотя современное ему производство обладает слишком низкой производительностью труда для обеспечения «благосостояния для всех», в «образованных странах» развить промышленность и сельское хозяйство можно и должно очень легко. Естественно, после переустройства общества.⁷³

Кропоткин до конца жизни сохранил веру в созидательную силу обобществлённой собственности и коллективной организации производства на благо всех. В последнем прижизненном издании «Хлеба и Воли», после перечисления потерь общества из-за частной собственности (не все земли обрабатываются, фабрики, заводы, угольные копи работают не на полную мощность, много выпускается предметов роскоши, много средств уходит на содержание государства), он оставил в тексте более чем наивное и утопическое утверждение: «Таким образом, если мы примем во внимание, с одной стороны, ту быстроту, с которой цивилизованные народы увеличивают свои производительные силы, а с другой – ограничение прямое или косвенное, которому подвергается производство вследствие современных условий, то мы должны заключить, что сколько-нибудь разумная хозяйственная организация дала бы образованным народам возможность накопить в течение нескольких лет столько полезных продуктов, что им пришлось бы наконец сказать себе: „Довольно! Довольно с нас угля, довольно хлеба, довольно одежды! отдохнём и подумаем, куда ещё приложить свои силы, как лучше употребить остающийся у нас досуг!“»⁷⁴

Каким образом небольшая горстка людей захватила огромные богатства, распоряжается ими, держит в нищете и покорности миллионы крестьян и рабочих, численно превосходящих в сотни и тысячи раз эксплуататоров, Кропоткин объяснял достаточно просто. Он делал это на примере средних веков. По его мнению, феодальный барон (боярин или

⁷² Кропоткин П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 26—35.

⁷³ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 462—463.

⁷⁴ Кропоткин П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 39—40.

князь в России) захватывал «целую плодородную, незаселённую область», а потом «находил целые селения бедняков, разорённых войнами, засухами, чумой, падежами, не имевших ни лошади, ни плуга», приглашал бедняков на свои земли, предоставлял им землю, орудия труда, лес, избы, лошадь и семена, освобождал от платежей на несколько лет. А потом заставлял платить оброк, постепенно увеличивая его и «мало-помалу, особенно при содействии законов, которые писались баронами, нищета крестьян становилась источником обогащения помещика, и не одного только помещика, а ещё и целого роя ростовщиков, которые набрасывались на деревню и всё более плодились по мере того, как крестьянину становилось тяжелее платить. А там, глядишь, крестьянин становился крепостным у барона и уже никуда не смел уйти с земли».

Так было в средние века, но так продолжает быть и в современное ему время, полагал Кропоткин, из-за отсутствия свободных земель, крестьянин вынужден платить непосильную арендную плату, отдавать треть, а то и половину урожая собственнику земли. Точно также происходит в промышленности, где собственники капиталов пользуются нищетой рабочих и вынуждают их работать на выгодных для себя условиях.⁷⁵

Но даже из школьного учебника истории известно, что феодалы захватывали именно населённые земли. И крестьяне мирились с этим. Мирились потому, что они фактически заключали с феодалом соглашение – они платили ему, а феодал должен был их судить, разрешать споры между ними, поддерживать порядок и защищать от воров и грабителей. Феодалы действительно предоставляли разорившимся крестьянам орудия труда, семена, скот под проценты, пользовались этим для удержания крестьян от переходов (переход селения в вотчину не отменял право его жителей на переселение), закрепощали крестьян в конце концов. Но какой выход был у земледельца в случае стихийного бедствия, разграбления врагами? Кто мог ему помочь при крайне низком уровне производства в то время, если не феодал или государство в лице правителя? Ведь все земледельцы находились под угрозой разорения и голодной смерти.

Недостаток всех уже бывших революций Кропоткин видел в том, что рабочий люд продолжал голодать, несмотря на свержение старого режима и введение демократических политических свобод, так как сохранялся наёмный труд, деньги, торговля. В результате бедным рабочим и крестьянам просто не хватало денег для покупки самого необходимого, даже хлеба. Поэтому настоящая революция должна быть социальной, главной задачей которой будет «экспроприация, т.е. возврат обществу того, что ему принадлежит по праву... Всё то, что служит для обеспечения благосостояния общества, должно быть возвращено обществу».

Кропоткин выдвигал одно из краеугольных положений своей анархо-коммунистической теории: любой человек, кем бы он ни был, силен он или слаб, способен или неспособен имеет прежде всего *право на жизнь*, право на довольство.

Для этого, провозглашал провозвестник анархического коммунизма: «Нужно сделать так, чтобы с первого же дня революции народ понял, что для него наступила новая пора; что с этого дня никому уже больше не придётся ночевать под мостами, когда рядом стоят пышные дворцы; никому не придётся голодать, покуда есть в городе съестные припасы; никому не придётся дрожать от холода, когда рядом стоят меховые магазины. Пусть всё принадлежит всем как в принципе, так и в действительности, и пусть, наконец, в истории произойдёт хоть одна революция, которая позаботилась о *нуждах* народа, прежде чем отчитывать ему проповедь о его *обязанностях*».

С этой целью, предлагал он, «нужно завладеть, во имя восставшего народа, хлебными складами, магазинами платья, жилыми домами». Кропоткин призывал: «Ничего не надо тратить зря, а тотчас же следует организовать так, чтобы пополнять то, что будет израсхо-

⁷⁵ Там же. С. 59—61.

вано. Словом, прежде всего сделать всё возможное, чтобы удовлетворить все потребности, и сейчас же начать производство, но уже не ради барышей кому бы то ни было, а для того, чтобы обеспечить жизнь и дальнейшее развитие всего общества».⁷⁶

Отметим, Кропоткин ничего не говорит о важности управления в обществе, а ведь государство, собственники земли, фабрик и заводов не только предаются роскошной жизни, но и выполняют важнейшие функции управления, организации человеческих сообществ для выполнения, например, работ, жизненно необходимых всем (строительство ирригационных сооружений, дорог и мостов, преодоление последствий стихийных бедствий и пр.), разрешения конфликтов внутри сообществ, защиты от внешних опасностей. Для анархиста всё просто – «ничего не тратить зря», «организоваться». Но для этого и нужны специальные люди – управленцы, организаторы, иначе кроме склок, взаимных грабежей ничего не получится.

При характеристике будущего общества, в основе которого лежит уничтожение частной собственности на средства производства и предметы потребления и установление общественной, Кропоткин исходил из начал анархического коммунизма: «Анархизм неизбежно ведёт к коммунизму, а коммунизм – к анархизму, причём и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах, – стремления к равенству».⁷⁷

Кропоткин старался основательно обосновать коммунистический принцип распределения – каждому по потребностям, отвергая сохранение принципа распределения по труду после социальной революции, когда коммунистическое производство ещё не налажено. В прежние времена крестьянская семья, с его точки зрения, могла считать все произведённые ею предметы плодами своего личного труда. Но и тогда это было не совсем верно, считал он, так как существовали мосты и дороги, осушенные луга, общинные пастбища и загороди и всё это делалось общими усилиями. Всякие усовершенствования в ремесле шли на пользу всем и «крестьянская семья не могла существовать иначе как при условии» оказания мирской поддержки.

А в настоящее время, полагал теоретик анархизма, когда всё связано и переплетено между собой, когда «каждая отрасль производства пользуется услугами всех остальных, – искать долю каждого в современном производстве оказывается совершенно невозможным». Его подход был совершенно глобальным – высокий уровень производства в развитых странах Кропоткин связывал с развитием всех крупных и мелких отраслей промышленности, с распространением железных дорог и пароходов, общим уровнем развития всего рабочего класса, вообще, с общим уровнем работ на «всём земном шаре».

Поэтому Кропоткин категорически отвергал точку зрения «коллективистов» и не признавал, что «вознаграждение, пропорциональное числу часов, употреблённых каждым на производство этих богатств, представляло собою идеал или хотя бы шаг вперёд по направлению к идеалу»: «Раз только общество примет за основание принцип общественного владения, ему неизбежно придётся отказаться и от всякой формы наёмного труда».

Кропоткин исходил из того, что «наёмный труд есть результат присвоения земли и орудий производства несколькими лицами» и что он является «необходимым условием развития капиталистического производства и должен умереть вместе с ним, даже если бы его попытались замаскировать под именем „рабочих чеков“».⁷⁸

На самом деле наёмный труд в различных формах возник задолго до зарождения капиталистических отношений и связан с возникновением общественного разделения труда, уси-

⁷⁶ Там же. С. 40—46.

⁷⁷ Там же. С. 46.

⁷⁸ Там же. С. 46—48.

лением специализации и профессионализации отдельных отраслей производства, включая, разумеется, управление и войну.

Кропоткин же придерживался весьма распространённой в то время концепции о существовании коммунизма в древности и везде искал примеры сохранения остатков древнего коммунизма и восстановления коммунистических начал в самых разнообразных проявлениях общественной жизни.

В «Записках революционера» Кропоткин тщательно фиксировал наблюдения, как он думал, коммунистических начал в разных проявлениях общинной жизни. В Сибири на него большое впечатление произвели «полукоммунистическая жизнь» духоборов, переселявшихся на Амур, и сложный общественный строй местных народов, «бродячих инородцев». В то же время Кропоткин писал о разочаровании централизованной пирамидальной властью, которая только мешала проявлениям инициативы снизу.⁷⁹ В деятельности Парижской коммуны он видел прежде всего проявления анархических принципов, приводя в качестве примера рабочего Тейшу, организовавшего работу почты на основе самоорганизации.⁸⁰

Кропоткин был уверен, что общество анархического коммунизма, состоящее из множества союзов, объединённых для организации земледельческого, промышленного, умственного, художественного производства, а также потребительских общин, зарождается уже в культурных странах в форме «общества равных между собою». В качестве примеров работающих сообща по свободному соглашению союзов он приводил железнодорожные компании, почтовые и метеорологические учреждения разных стран, даже враждебных, горные клубы, английские спасательные станции, кружки велосипедистов, преподавателей, литераторов и так далее.⁸¹

Кропоткин даже был уверен, что развитие индивидуализма в последние века (стремление личности обеспечить себя самостоятельно, без участия других людей, «объясняется главным образом стремлением человека оградить себя от власти капитала и государства» с помощью денег. Но «современная история заставляет каждого признать, что деньгами ни свободы, ни даже личного, продолжительного и стойкого обеспечения нельзя купить; что без сотрудничества всех отдельный человек бессилен, как бы ни были его сундуки полны золотом».

Теоретик анархо-коммунизма считал городские коммуны X – XII вв., освободившиеся от власти светских и церковных феодалов, почти коммунистическими, в которых стали развиваться «начала общего труда и общего потребления». Например, анархист заявлял, что именно Великий Новгород как город, а не частные лица, вёл торговлю и доходы от неё доставались не отдельным купцам, а всем жителям города; что город же покупал все необходимые припасы.

Но в городах с ходом времени элементы коммунизма исчезли и одна только сельская община с трудом борется за сохранение последних следов коммунизма.

Но вместе с тем, уверял Кропоткин, повсюду возникают в самых разнообразных формах новые организации, основанные на принципе: *«каждому по его потребностям, потому что без известной доли коммунизма современные общества вовсе не могли бы существовать»*.

Признаки коммунизма теоретик анархизма видел в бесплатном проезде по мостам и шоссейным дорогам, во введении зонных тарифов на железных дорогах, в существовании музеев, общественных библиотек, бесплатных школ, общих обедов для детей, в доступных

⁷⁹ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 197—198.

⁸⁰ Там же. С. 247.

⁸¹ Там же. С. 378—379.

всем и освещённых улицах, парках и садах, в водопроводах – всё это, по его мнению, было основано на принципе «берите сколько вам нужно».

Кропоткин делал категорический вывод: «Можно ли после этого сомневаться в том, что когда орудия производства перейдут в собственность всех, когда работа будет производиться сообща, а труд, который займёт в обществе принадлежащее ему по праву почётное место, будет давать гораздо больше продуктов, чем требуется, – что коммунистическое стремление (сильное уже и теперь) расширит область своего приложения и сделается основным началом общественной жизни?» Поэтому коммунизм можно и должно осуществить сразу после победы революции.⁸²

Различные формы самодеятельных организаций действительно получили массовое развитие уже в XIX в., в том числе в России. Но в области экономики железнодорожные компании (и не только они) объединялись и сотрудничали с целью получения максимальной прибыли, что отмечал сам Кропоткин. В то же время, создание таких компаний приводило к монополизму, росту цен и бороться с этим без мер государственного регулирования оказалось невозможным. Управление такими компаниями самими рабочими не отменяет коллективного эгоизма, злоупотребления своим положением в корыстных интересах и ведёт к дезорганизации всей хозяйственной жизни (как, например, в социалистической Югославии). Мосты, дороги, городские парки и сады, освещённые и замощённые улицы, бесплатные школы, общественные библиотеки и всё тому подобное создавались на государственные и местные налоги и уже поэтому, строго говоря, не могут считаться бесплатными. Примеры же творческих, досуговых, благотворительных, профессиональных и тому подобных объединений вовсе не доказывают необходимость и возможность уничтожения государства – они вполне могут сосуществовать с ним. Более того, без материальной и правовой поддержки со стороны государства они существовать не могут.

Коммерческие и биржевые сделки, торговые операции осуществляются без всякого вмешательства правительства, без юридического оформления⁸³ не потому что коммерсанты и биржевики, купцы пронизаны духом коммунизма, а не наживы, а потому что это выгодно, потому что нарушение данного слова чревато наказанием не только в виде потери доверия и кредита. Могли и всё добро отобрать, и физически расправиться с нарушителем. Распространённость торговых и финансовых сделок на доверии могло быть связано и с неразвитостью рыночных отношений (при относительно небольшом числе торговцев и коммерсантов все друг друга знали и нарушителя достаточно легко можно было найти и наказать), и со слабым развитием законодательства и судебной системы. При развитии рыночных отношений необходимость в совершенствовании законодательства и суда резко возрастает, и даже крестьяне начинают всё активнее прибегать к судебным процедурам, когда суд становится судом, а не средством обогащения чиновников, как это было в России уже в XIX в., при жизни Кропоткина.

Раз элементы коммунизма уже буквально пронизывают современное общество, то и экспроприация богатств у собственников произойдёт легко и просто, не сомневался Кропоткин. Цитату об экспроприации средств производства стоит привести целиком: «Когда крестьянин сможет пахать землю, **не отдавая царю и помещику половины жатвы** (выделено авт. – В.Б.), когда все машины, нужные для того, чтобы вспахать и удобрить землю, будут в изобилии в распоряжении самого пахаря, когда фабричный рабочий будет производить для общества, а не для тех, кто пользуется его бедностью, – тогда рабочие перестанут ходить впроголодь, в лохмотьях; и ни Ротшильдов, ни других эксплуататоров больше не будет. **Раз никто не будет вынужден продавать свою рабочую силу за такую плату,**

⁸² Кропоткин П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 48—51.

⁸³ Там же. С. 54—55.

которая представляет лишь часть того, что он выработал (выделено авт. – В.Б.) тогда и Ротшильдам неоткуда взяться».⁸⁴

В данном высказывании отразилась идея Прудона о «неурезанном трудовом доходе», нещадно раскритикованная Марксом. Ротшильдам действительно неоткуда будет взяться, но откуда возьмутся машины у пахаря, если рабочий не будет заинтересован в более производительном труде? А он не будет заинтересован, так как всё необходимое и в нужном для него количестве будет получать на общественных складах независимо от результатов своего труда.⁸⁵ А если производительность труда и общий объём производства материальных благ не вырастет, и не вырастет в колоссальных размерах, то как будут жить учителя, врачи, библиотекари, изобретатели, художники, литераторы, вообще все, кто не занят непосредственно в материальном производстве?

На этот вопрос и у анархистов, и у коммунистов один ответ: труд станет творческой потребностью, займёт почётное место. Таким образом, априори и без всяких доказательств принимается, что сразу после социальной революции, после обобществления средств производства (а у анархистов – и средств потребления) рабочие и крестьяне станут сознательными тружениками и будут трудиться ещё лучше, ещё старательнее, расходовать всё больше и больше физической и умственной энергии совершенно бескорыстно, во благо всего общества, а не самих себя и своих семей. Да и семей-то не будет. И всё это произойдёт немедленно, сразу.

Кропоткин приводил выдуманное им же самим возражение вероятных оппонентов – мол, революция не может произойти на всём земном шаре в одно время и какой-нибудь богач, нажив состояние в других странах, ещё не совершивших революцию, приедет в революционную страну, окружит себя слугами, будет эксплуатировать их. Это возражение он опровергал тем, что источником богатства одних является бедность других и если не будет в анархическом обществе бедных, не будет и богатых. Для теоретика анархизма источник всех состояний – крупных и мелких – в торговле, финансах, промышленности, в землевладении является исключительно бедность других. «А раз оно так, то анархическому обществу нечего будет бояться неизвестного Ротшильда, который явился бы вдруг и поселился в его среде. Если каждый член общества будет знать, что после нескольких часов производительного труда он будет иметь право пользоваться всеми наслаждениями, доставляемыми цивилизацией, всеми удовольствиями, которые даёт человеку наука и искусство, он не станет продавать за ничтожную плату свою рабочую силу. Для обогащения такого Ротшильда не найдётся нужной бедноты».⁸⁶

Подчеркнём, что Кропоткин даже не отвергал значение управленческого труда, которым занимались в числе прочих «Ротшильды», он его просто не замечал, не видел его значения. Как и более чем преувеличивал степень сознательности рабочих и крестьян в случае передачи в их собственность и распоряжение орудий производства.

В деле экспроприации Кропоткину было «всё просто и понятно»: «Экспроприировать – взять назад в руки общества – нужно *всё то*, что даёт возможность кому бы то ни было – банкиру, промышленнику или землевладельцу – присваивать себе чужой труд». Его не пугало предупреждение даже сочувствующих анархическим идеям людей: человечество не меняется в один день, поэтому не следует торопиться и заходить слишком далеко с планами экспроприации и анархии. Теоретика анархизма страшило совсем другое – что экспроприация произойдёт в слишком незначительных размерах, остановится на полпути и революционный порыв разменяется на мелочи, на полумеры. Это своё опасение он связывал

⁸⁴ Там же. С. 58.

⁸⁵ См., например, там же. С. 51—52.

⁸⁶ Там же. С. 64.

с тем, что в обществе всё взаимосвязано и частичная экспроприация может привести к дезорганизации производства и обмена, к сохранению массы тунеядцев и посредников, живущих за счёт чужого труда, т.е. собственников фабрик и заводов, землевладельцев, банкиров, торговцев.

Кропоткин выдвигал также требование экспроприации предметов потребления. Он обосновывал это прежде всего тем, что для «производителя», т.е. рабочего и крестьянина, жильё, пища, одежда являются такими же орудиями производства, как и машины, сырьё и прочее. Анархист верил, что народ понимает революцию именно так и как только ему удастся свергнуть правительства, «он прежде всего постарается обеспечить себе здоровое помещение, достаточное питание и достаточную одежду, не платя никому никакой дани».

Привлекает к себе внимание задача, которую ставил Кропоткин перед экономической наукой в анархическом обществе, задача, не решённая экономистами всех направлений и до настоящего времени: «*Изучение потребностей человечества и средств к их удовлетворению без лишней траты сил*». ⁸⁷

Кропоткин был уверен, что настоящая социальная революция должна отличаться от предыдущих революций не только своими целями.

Основной недостаток трёх революций во Франции (1793, 1848 и 1871 годов) он видел в том, что народ героически боролся за свержение старого режима, но затем отступал на задний план. А новые правительства из более или менее честных людей занимались прежде всего вопросами политическими – организацией республики (1793), организацией труда (1848), свободной коммуны (1871). А народ голодал. Голодал, потому что в это время приостанавливалась работа, торговля прекращалась, капиталы скрывались и в результате рабочему приходилось труднее, чем при старых порядках. ⁸⁸

И теоретик анархизма провозглашал принципиально важную для него как анархиста задачу: «революция должна и может обеспечить каждому помещение, одежду и хлеб». ⁸⁹

При этом Кропоткин категорически отвергал в качестве способов немедленного решения этой задачи создание «национальных мастерских» или организацию «общественных работ» для безработных, как это было в прежние революции.

На самом деле, для практического решения задачи немедленного обеспечения всех и всем необходимо, по мнению анархиста, чтобы «народ немедленно же завладел всеми *продуктами*, имеющимися в тех местностях, где вспыхнула революция, составил им опись и чтобы он устроился так, чтобы ничего не пропадало даром, но чтобы все могли воспользоваться имеющимися накопленными продуктами и таким образом пережить критический период» (этого должно было хватить на несколько месяцев). Необходимо также, продолжал он, обеспечить фабричных рабочих сырьём и направить работу на производство предметов, необходимых крестьянам, вместо производства предметов роскоши для богачей. И, наконец, нужно сделать годными для обработки неиспользуемые земли и улучшить уже используемые.

В результате социальная революция окажет человечеству самую большую услугу, которую только можно оказать, – создаст «такое положение вещей, где всякая форма наёмного труда станет невозможной и неосуществимой и где единственным подходящим решением вопроса явится коммунизм, т.е. именно отсутствие наёмного труда». ⁹⁰

Чем обосновывал Кропоткин возможность немедленного перехода к коммунизму и того, что экспроприация средств производства и предметов потребления (особенно) не пре-

⁸⁷ Там же. С. 64—69.

⁸⁸ Там же. С. 70.

⁸⁹ Там же. С. 72.

⁹⁰ Там же. С. 75—76.

вернется в неприкрытый грабёж на основе права сильного, что производство не остановится после его обобществления, крестьяне не передерутся из-за лучших земель при отсутствии каких-либо государственных институтов и законов? Верой и только верой. Верой в успешное распространение идеи анархического коммунизма ещё до революции, верой, что эта идея подсказана самим народом, т.е. отражает его умонастроение, его сущность.

И тогда, был уверен светоч анархизма, признаваемый выдающимся учёным умом и в настоящее время: «**Если же** (выделено авт. – В.Б) коммунистическое влияние окажется достаточно сильным, дела примут совершенно иной оборот. Вместо того, чтобы грабить булочные, а на другой день опять голодать, восставший народ возьмёт в свои руки хлебные склады, бойни, магазины съестных припасов – одним словом, все имеющиеся в наличии пищевые запасы».

Среди проникнутого «коммунистическим влиянием» народа: «Сейчас же найдутся добровольцы, мужчины и женщины, чтобы составить опись, инвентарь всего находящегося в магазинах и хлебных складах, и через двадцать четыре часа восставшая коммуна будет знать то, чего Париж не знает до сих пор, несмотря на все статистические комитеты, и чего он никогда не мог узнать во время осады, а именно – сколько в нём находится съестных припасов. А через сорок восемь часов уже будут изданы в миллионах экземплярах точные списки всех имеющихся продуктов, указаны места, где они находятся, и способы их распределения.

В каждой группе домов, в каждой улице, в каждом квартале организуются группы добровольцев для заведования съестными припасами; и они, конечно, сумеют столкнуться между собою и сообщить друг другу о результатах своей работы».⁹¹

И далее Кропоткин на примере рабочих стачек и Парижской Коммуны, устройства крестьянских общин, организации коммунальных служб в городах, проявлений милосердия и т. д. пытался доказать, что народ, особенно если над ним не будет чиновников, при распределении продуктов будет руководствоваться «самым простым чувством справедливости».⁹²

Как любой человек с фанатическим типом сознания (а все революционеры принадлежат к этому типу, иначе они не революционеры), Кропоткин видел только то, что хотел видеть. Он не хотел замечать и не замечал случаев грабежей, разгула преступности в период революций, активного участия в них разного рода люмпенов, которые никуда не исчезнут при любой революции, даже самой социальной, анархической и коммунистической и которым нет никакого дела до высоких идеалов анархического коммунизма и у которых нет даже «простого чувства справедливости». И что делать с преступниками, распоясавшимися люмпенами? Государства нет, полицию прогнали.

Кропоткин не хотел даже знать, почему на самом деле существует поземельная крестьянская община в России с её уравнительными переделами пашни и коллективным использованием прочих сельскохозяйственных угодий. Как и все русские народники, он был уверен в проявлении в этом коммунистических инстинктов русских крестьян (а Кропоткин – и не только русских), а не реальных проблем крестьянской жизни, связанных прежде всего с крепостным правом, ограничением миграции на свободные земли, круговой порукой при несении государственных и помещичьих повинностей.

Кропоткин предусматривал такой ход событий, когда социальная революция произойдёт не сразу во всех странах и, более того, что так и будет. Он поднимал вопрос о снабжении населения в случае нарушения обмена внутри и между странами и возникновения недостатка продовольствия в восставших городах.

Для восстановления снабжения продовольствием города крестьянами Кропоткин предлагал то, что большевики в годы политики «военного коммунизма» называли прямым

⁹¹ Там же. С. 78.

⁹² Там же. С. 81.

продуктообменом. Рабочие должны предлагать крестьянам не пустые бумажки-ассигнации, а орудия труда, одежду, лампы и керосин, т.е. предметы, в которых земледельцы нуждаются. С этой целью город должен взяться «тотчас же за производство того, *что необходимо крестьянину*», вместо выпуска разных безделушек.

Анархист фантазировал: «Пусть город пошлёт в деревню не комиссара, опоясанного красным или разноцветным шарфом, с приказом везти припасы в такое-то место, а пусть пошлёт туда друзей, братьев, которые скажут крестьянам: „Привозите нам свои продукты и берите из наших складов всё что хотите“. Тогда жизненные припасы будут стекаться в город со всех сторон. Крестьянин оставит себе то, что ему нужно для собственного существования, а остальное отошлёт городским рабочим, в которых он – *в первый раз во всей истории* – увидит не эксплуататоров, а братьев».⁹³

Возможное сокращение поставок в город продовольствия как от крестьян революционной страны (понадобится время для переустройства сельского хозяйства, расширения посевов, внедрения новых машин, увеличения производства удобрений), так и из-за вероятного прекращения импорта, Кропоткин надеялся компенсировать самоснабжением: города должны в таком случае заняться обработкой земли. С этой целью предлагалось превратить в плодородные поля, например, парки, занимающие в городах и их окрестностях миллионы десятин и тогда «коммунистическая община, если она решительно станет на путь экспроприации, несомненно приведёт нас к этому соединению земледелия с промышленностью, к тому, что человек будет заниматься и тем и другим одновременно или в различные месяцы года».

Примечательна оговорка, которая нечаянно проскальзывает у князя-анархиста Кропоткина в следующей тут же фразе: «Пусть только революция вступит на этот путь: с голода она **наверное** (выделено авт. – В.Б.) не погибнет!» Его пугал не голод: «Опасность лежит вовсе не в этом: она лежит в умственной трусости, в предрассудках, в полумерах».⁹⁴

Из всех мер обеспечения продовольствием революционного города, предлагавшихся Кропоткин, в период гражданской войны 1917—1920 гг. в России была только одна – горожане действительно начали заниматься земледелием, но делали это не во имя коммунистических идеалов, а от голода. Крестьяне в город продукты не повезли в обмен на промышленные товары – не было их в достаточном количестве, чтобы брать «всё что хотите», не было возможности быстро увеличить их производство. И именно от голода погибала революция в России в 1917—1921 гг.

Возможность яростного сопротивления свергнутых классов, неприятия коммунистических преобразований и идей большинством крестьян и городских жителей и вызванной этим гражданской войны, вероятность иностранной интервенции Кропоткину даже не приходили в голову. Даже в условиях гражданской войны, при издании своих анархистских произведений он не сделал поправку на эти обстоятельства. А ведь гражданская война и интервенция потребовали переориентации промышленности не на производство предметов для крестьян, а на военные цели. Но... фанатик видит только то, что хочет видеть.

Столь же «легко» и «просто», как вопрос продовольственный, Кропоткин решал вопрос жилищный. Он вполне традиционно для себя исходил из идеи, что дома есть продукт коллективного труда рабочих и поэтому не могут быть в частной собственности. Анархист также был уверен в широком распространении среди рабочих уже в то время убеждения в нелепости права собственности на дома. И у Кропоткина опять всё делается так, что проще не бывает: народная инициатива, чувство справедливости и здравый смысл простого люда, группы добровольцев для собирания справок о свободных квартирах, переселения из тру-

⁹³ Там же. С. 89.

⁹⁴ Там же. С. 93—94.

щоб, делёжка без скандалов. Князь-анархист был абсолютно уверен в наличии в городах такого количества свободных квартир, что их хватит на всех обитателей трущоб, надо только отменить плату за жильё и провести его справедливое распределение. Обладатели дворцов и больших квартир, лишившиеся слуг, сами от них откажутся и переберутся в помещения поменьше, в которых «банкирши сами могли бы готовить себе кушанье».⁹⁵

Как с продовольствием и жильём, Кропоткин также предлагал поступить с одеждой: завладеть всеми магазинами одежды и открыть их настежь, дать каждому право брать всё что нужно, будучи уверенным, что на всех хватит, а если не хватит, то общинные мастерские (которых ещё нет) быстро изготовят.

При этом анархист отвергал упреки в том, что революция всех сделает одинаковыми, что на всех может не хватить качественной одежды («соболевых шуб» и «бархатных платьев»). Вначале может и не хватить, соглашался он, но потом, когда первоначальные потребности будут удовлетворены, когда производство возрастет, то можно удовлетворить потребности и в более модной и хорошей одежде.

Но здесь важны даже не эти рассуждения, и даже не надежды на изменение вкусов на более простые, благодаря чему можно будет обойтись без соболей и бархата. Кропоткин вновь и вновь уповал на перемену нравов, на проявления благородства: «Общество, как и отдельная личность, переживают времена полного упадка нравов, но у него бывают также и минуты героизма. Как бы низко оно ни падало в такие времена, когда оно погрязает, как теперь, в преследовании мелких и ограниченных личных интересов, — в великие эпохи оно меняет свою физиономию. У него бывают минуты благородства, минуты увлечения. Искренние люди приобретают тогда влияние, которое теперь принадлежит плутам и ловким дельцам. Совершаются **акты самоотвержения** (выделено авт. — В.Б.); великие примеры находят себе подражателей; даже эгоистам бывает совестно оставаться позади других, и они волею-неволею присоединяются к общему хору людей великодушных и смелых».

Кропоткин ссылаясь на Великую Французскую революцию 1793 г. как изобиловавшую примерами такого рода.

Теоретик анархизма хорошо понимал, что на «актах самоотвержения», на проявлениях героизма прочных успехов нельзя добиться и оговаривался, что не на прекрасных чувствах «мы основываем наш общественный идеал». Но он надеялся, что подъём этих чувств поможет революционерам пережить первые, самые трудные моменты.

Анархист, лично высокоморальный человек, писал: «Кроме того, **если** (выделено авт. — В.Б.) революция примет именно то направление, о котором мы говорим, свободный личный почин поможет нам избежать всяких помех со стороны эгоистов».⁹⁶

«Наверное», «если» — эти слова часто появляются в сочинениях революционера, ему то и дело приходится надеяться на авось. А если революция примет не «именно то направление», если «эгоисты» не присоединятся к «общему хору людей великодушных и смелых»? Куда исчезнет масса люмпенов, преступников, никогда не занимавшихся производительным трудом, не умеющих и не желающих трудиться даже несколько часов в день? Что делать с естественным неравенством людей в работе, с разными потребностями, вкусами, настроениями? Почему Кропоткин был так уверен, что благородные и смелые поведут за собой основную массу, а не наоборот?

И, главное, что делать, если на всех всего не хватит, если рабочие и крестьяне не захотят ждать обещанного светлого будущего в виде анархического коммунистического общества, когда можно будет и не работать, но всё равно брать сколько нужно? Да и когда ещё будет такое общество, а есть хочется сейчас. Что делать с естественными, инстинктивными

⁹⁵ Там же. С. 94—103.

⁹⁶ Там же. С. 103—105.

стремлениями людей обеспечить выживание, а ещё лучше достойную жизнь, себе и своим близким здесь и сейчас, а не в далёком будущем.

Великая Французская революция изобиловала всевозможными эксцессами – грабежами, захватом частной и общественной собственности, своекорыстными поступками, она породила массу нуворишей, обогатившихся благодаря именно революции, массовым экспроприациям собственности имущих классов, аристократов прежде всего. Она и закончилась победой этих нуворишей. Почему Кропоткин думал, что новая революция будет развиваться иначе? На это у него нет ответа, всё сводится к надеждам на чувство справедливости, здравый смысл народа, акты самоотвержения, благородные чувства в «минуты героизма». Но что будет, когда эти минуты пройдут и наступят прозаические будни революции? У Кропоткина была возможность задуматься над этими вопросами на примерах французских революций 1793, 1848 и 1871 годов. Но не задумался.

Описывая пути и средства обеспечения членов анархического коммунистического общества продовольствием, одеждой, жильём и другими предметами, Кропоткин исходил из нескольких совершенно ошибочных постулатов. Именно постулатов, а не теорем, так как он их не доказывал, а иллюстрировал примерами, неверно передающими суть капиталистического способа производства, его организации, не учитывающими значения разделения труда. Он исходил из неверных оценок уровня производительности труда, совершенно не замечал значения труда управленческого и организационного.

Для Кропоткина целью капиталистического производства являлось получение собственником средств производства, капиталистом, барышей, «доставляющих ему возможность жить не работая». Но главное зло буржуазного строя он видел даже не в этом, а в том, что всё производство, взятое в целом, «идёт по совершенно ложному пути, так как его цель – отнюдь не обеспечение благосостояния для всех». И анархист повторял постоянно муссируемую революционерами разных направлений и оттенков мысль: «Оно (капиталистическое производство – В.Б.) ведётся наудачу – ради барышей, а вовсе не ради общественных нужд».

Теоретик анархизма вынужден был признать: «Капиталистическая организация, основанная на личном интересе каждого предпринимателя, дала обществу всё, чего можно было ожидать: она увеличила производительную силу рабочего. Воспользовавшись переворотом, произведённым в технике паром, быстрым развитием химии и механики, а также всеми открытиями нашего века, капиталист постарался в своих **собственных интересах** (выделено авт. – В.Б.) усилить производительность человеческого труда; и достиг он этого в очень значительной степени. Но было бы вполне неразумно возлагать на него какую-нибудь другую миссию. Желать, например, чтобы он употребил эту увеличенную производительность труда на пользу всего общества, значило бы требовать от него благотворительности, а капиталистическое предприятие не может быть основано на благотворительности».

Только всё общество может распространить на все отрасли высокую производительность труда, существующую пока лишь в некоторых отраслях промышленности, постулировал Кропоткин, и для обеспечения благосостояния всем своим членам оно должно завладеть всеми средствами производства.

Возможное возражение, что есть уже слой рабочих, наиболее квалифицированных, имеющих сравнительно высокое благосостояние анархист отвергал на основании того, что их положение неустойчиво из-за постоянных кризисов, из-за возможности закрытия предприятия по причине беспечности, непредусмотрительности или корыстолюбия хозяина.

Также Кропоткин видел причину более высокого благосостояния некоторых рабочих не в их более высокой квалификации, не в заинтересованности капиталиста удержать и заинтересовать лучших работников, а благодаря «разорению земледелия, бессовестной эксплуатации крестьян и бедности народных масс».

И далее следовали характеристики капитализма: вызывает отток населения из деревни, разоряет колонии и страны со слаборазвитой промышленностью, обрекает громадное большинство рабочих на отсутствие технического образования, на невозможность даже слабым овладением своего ремесла, процветание одной отрасли промышленности ведёт к разорению десяти других.

Кропоткин считал эти свойства капитализма неперенными, неизменно и вечно ему присущими, он видел в них *«необходимое условие капиталистического строя»*.

Придётся привести длинную цитату, чтобы лучше понять ход рассуждений анархиста: «Чтобы некоторые разряды рабочих могли получать в настоящее время порядочное жалование, *нужно*, чтобы крестьянин был как бы выючным животным общества; *нужно*, чтобы население деревни оставляло её и уходило в города; *нужно*, чтобы мелкие ремёсла скоплялись в бедных предместьях больших городов и выделяли там, почти за ничто, множество предметов, за которые покупатель, получающий скудную заработную плату, и не может платить больше. Для того, чтобы плохое сукно находило себе сбыт у скудно оплачиваемых рабочих, портной должен довольствоваться заработком, едва дающим ему возможность не умереть с голоду. Нужно точно так же, чтобы отсталые восточные страны эксплуатировались западными, негры – европейцами, итальянские землекопы – англичанами и т.д., чтобы в некоторых привилегированных отраслях промышленности рабочий мог пользоваться при капиталистическом строе некоторым, хотя бы ограниченным, благосостоянием».⁹⁷

Кропоткин даже не задумывался: а кто, после того, как собственника-капиталиста, в собственных интересах добивающегося роста производительности труда, оплачивающего исследования Уатта и ему подобных, вкладывающего на свой собственный риск средства в разработку и изготовление новых машин и технологий на паровом двигателе, а потом на двигателе внутреннего сгорания, на электродвигателе и т. д. и т.п., прогонят и проведут всеобщее обобществление средств производства, кто будет этим заниматься? Ведь простой рабочий вовсе не обязательно заинтересован в росте производительности труда, в использовании новых технологий, новых машин и т. д. Не заинтересован, потому что рост производительности труда рабочего означает рост затрат энергии этим рабочим как физической, так и умственной, а также рост безработицы. И откуда возьмётся тогда увеличение производства предметов потребления до такого уровня, что можно брать сколько нужно?

Не прав Кропоткин и в определении причин повышения благосостояния некоторых категорий рабочих. Это происходит именно из-за роста производительности их труда, увеличения затрат на подготовку такого рабочего, возрастания расходов его энергии, что требует компенсации в виде лучшего потребления, а капиталист заинтересован в удержании у себя ценного работника и платит ему больше.

Исход крестьян из деревни неизбежен, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, из-за роста численности сельского населения, которому начинает не хватать пашни и других угодий для ведения натурального, потребительского многоотраслевого хозяйства и земледельцы начинают искать средства для пропитания в городе. Эта причина была основной в России XIX в. Во-вторых, излишняя рабочая сила образуется в сельском хозяйстве по мере роста производительности сельскохозяйственного труда. Этот процесс миграции из сельской местности в города носит прогрессивный характер, так как приток рабочей силы в города содействует развитию промышленности, возникновению новых отраслей на основе новых технологий. Город начинает давать селу всё более совершенные машины, удобрения, средства защиты растений. Совершенствование технологий способствует развитию науки и т. д. и т. п.

⁹⁷ Там же. С. 106—108.

Мелкое ремесло феодального, средневекового типа исчезает из городов и заменяется массовым фабричным производством дешёвых товаров, доступных основной массе населения. Заработная плата всё новых и новых категорий рабочих растёт, а, следовательно, их благосостояние. Капиталисты становятся всё более заинтересованы в техническом образовании рабочих по мере совершенствования технологий. Восточные страны станут развиваться именно благодаря эксплуатации со стороны западных стран, переносящих в них всё новые производства. А итальянские землекопы станут квалифицированными рабочими.

Собственно говоря, тенденции, противоположные предсказанным Кропоткиным, становились всё более заметными уже при жизни Кропоткина, история XX в. полностью подтвердила его неправоту.

Марксисты называли Кропоткина и его последователей выразителями идеологии мелкой буржуазии, под которой понимали крестьян, ремесленников и кустарей. И в этом они были правы. Реализация на практике идей анархизма могла привести только к остановке развития общества, к полному господству натурального потребительского хозяйства и ремесленно-кустарного производства. А так как при таком уровне экономики может прокормиться ограниченное количество населения, то это означает усиление борьбы за ресурсы и борьбы кровавой.

В подтверждение сказанного укажем на отрицание Кропоткиным понимания «прибавочной стоимости» буржуазными политэкономистами и Марксом. Для него сама прибавочная стоимость есть следствие более глубоких причин и «зло заключается в том, что вообще *может быть* какая бы то ни было „прибавочная стоимость“ вместо **простого излишка** (выделено авт. – В.Б.), не потреблённого данным поколением; потому что для существования этой „прибавочной стоимости“ нужно, чтобы мужчины, женщины и дети были **вынуждены потреблять меньше, чем они производят** (выделено авт. – В.Б.); чтобы голод и невозможность найти другое приложение своих сил вынуждали их продавать свою рабочую силу за малую долю того, что она производит, и особенно того, что она могла бы производить».⁹⁸

Далее следует традиционное для революционеров заявление, что это зло будет существовать до тех пор, пока останется частная собственность, что частный собственник не решит задачи *«производить с наименьшей возможной тратой человеческих сил наибольшую сумму продуктов, наиболее необходимых для благосостояния масс»*.

Поэтому надо все средства производства, а также дома, магазины и т. д. экспроприировать и «заняться изучением того, что именно нужно производить в интересах всех, какими путями и какими средствами для этого нужно пользоваться».⁹⁹

Если не будет «прибавочной стоимости», если работник будет потреблять всё, что производит, кроме «простого излишка», то это крайне замедлит, если не остановит совсем, развитие общества. Потому что не на что будет содержать тех, кто не занят непосредственным производством материальных благ: учителей, учёных, художников, торговцев, не говоря уже о тех, кто управляет и поддерживает порядок – они исчезнут. Мало будет и ремесленников, так как у земледельцев будет недостаточно продуктов (только «простой излишек», а его в неурожайные годы может не оказаться) для обмена на ремесленные изделия. В таком случае выход только один – **все** без исключения члены общества должны заниматься производством продовольствия, одежды, обуви, строить себе дома. Собственно, так оно и было в течение столетий в традиционных аграрных крестьянских обществах. Характерными чертами таких аграрных обществ были низкий уровень производства и потребления, высокая смертность, зависимость от сил природы, несмотря на существование крестьянских общин.

⁹⁸ Там же. С. 108—109.

⁹⁹ Там же. С. 109.

И страдала в результате прежде всего основная масса народа, о котором так заботился Кропоткин.

Но именно такое общество, общество натурального потребительского производства, и было идеалом анархического коммунизма по Кропоткину. Он производил расчёты, сколько времени потребуется каждому члену общества для выращивания зерна, выделки тканей для одежды, на шитьё самой одежды, строительство домов. Анархист исходил из затрат труда в современной ему экономике и у него получилось, что необходимо всего 6—10 полудней труда по 5 часов для получения продовольствия, 40 – для жилища и 50 – для одежды, что составляет только половину года (за вычетом праздников год – 300 рабочих дней). Остальные 150 рабочих полудней Кропоткин считал возможным потратить для добывания других необходимых предметов: вина, сахара, кофе или чаю, мебели, средств передвижения и прочего.

А если занять в производстве, считал дальше Кропоткин, людей, ничего не производящих, людей, занятых во вредных производствах, «бесполезных посредников», то число «производителей в собственном смысле слова» легко можно увеличить вдвое и тогда продолжительность работы можно сократить до 4 или даже 3 часов в день.

И ещё одна по необходимости длинная цитата из «Земли и Воли» для демонстрации тезиса о примитивном характере общества анархического коммунизма: «Вообразите себе общество, состоящее из нескольких миллионов жителей, занимающихся **как земледелием, так и разнообразными отраслями промышленности** (выделено авт. – В.Б.), – например, Париж с департаментом Сены и Уазы. Представьте себе, что в этом обществе все дети выучиваются как умственному, так и физическому труду. Допустим, наконец, что все взрослые люди за исключением женщин, занятых воспитанием детей, обязуются работать по *пяти часов в день*, от двадцати или двадцати двух лет до сорока пяти или пятидесяти, и что они занимаются делом по своему выбору, в любой из отраслей человеческого труда, которые считаются *необходимыми*. Такое общество могло бы взамен обеспечить благосостояние всем своим членам, т.е. доставить им довольство гораздо более действительное, чем то, которым пользуется теперь буржуазия. И каждый рабочий такого общества располагал бы, кроме того, по крайней мере пятью свободными часами в день, которые он мог бы посвящать науке, искусству и тем личным потребностям, которые не вошли бы в разряд *необходимого*; причём впоследствии, когда производительность человеческого труда ещё увеличилась бы, в разряд *необходимого* можно было бы ввести и то, что теперь считается недоступными предметами роскоши».¹⁰⁰

Дело даже не в том, что не везде растут чай или кофе, лён или хлопок, не везде есть условия для разведения овец и т.д., что ликвидация «бесполезных посредников» в виде купцов крайне ограничит возможности коммунистических сообществ по удовлетворению потребностей его членов.

В коммунистическом обществе Кропоткина всё же допускается и наличествует, хотя бы в простейшем виде, разделение физического труда, но умственный труд как вид специализированной профессиональной деятельности будет отсутствовать полностью. Занятия искусством на уровне художественной самодеятельности ещё возможны, но профессиональное исполнительство музыки и занятия живописью, скульптурой и т. п. в свободное время после работы в поле или на заводе исключены – они требуют слишком много затрат времени и сил. Наука в таком обществе существовать не может по определению – как и профессиональное искусство, она требует особых талантов, поглощения человека полностью своей научной работой, и огромных затрат человеческой энергии.

¹⁰⁰ Там же. С. 113.

Сам Кропоткин, в отличие от Бакунина, который толком не учился, никогда и нигде не работал и не служил, имел высшее образование, его служебная карьера складывалась довольно удачно, он подавал очень большие надежды как учёный-географ, но став революционером забросил научные занятия. И это не случайно – невозможно было совместить жизнь профессионального революционера и научные занятия, требовавшие времени, сил, концентрации усилий на научных проектах. Кропоткин никогда не совмещал труд умственный и физический, даже не пытался, поэтому полагал, что это возможно. А ведь умственный труд, в том числе научный, начал выделяться в род особой, почти профессиональной деятельности, ещё в первобытном обществе вместе с возникновением религии и образованием жречества, которое, помимо чисто религиозных функций, тысячелетиями выполняло роль собирателя и хранителя знаний, развивало эти знания, что привело в конце концов к возникновению собственно науки, жречество же занималось образованием и воспитанием подрастающих поколений.

Без настоящей науки, а не «самодеятельности», которая только и возможна в кропоткинском обществе, невозможно и повышение производительности труда. Примечательно, что ни в «Хлебе и Воле», ни в «Современной науке и анархии» Кропоткин даже не ставил вопрос об образовании – кто, как и когда будет учить детей и молодёжь, если все будут заняты в непосредственном производстве. Неясно должна ли быть вообще в обществе анархического анархизма какая-либо система образования. А без неё социализация детей, развитие вообще человеческого общества невозможны.

В приведённой цитате отражены и крайне примитивные представления о соединении умственного и физического труда, города и деревни. Кропоткин, как, впрочем, и Маркс, понимал такое соединение как одновременные занятия одним и тем же человеком умственным и физическим трудом, сельскохозяйственным и промышленным. По принципу – поработал физически на благо общества и самого себя, можешь заниматься музыкой, поэзией, живописью, наукой. Захотел – коров пасёт, землю пашет, потом отправился на завод, стал лётчиком и тому подобное.

В другом месте Кропоткин прямо писал об этом. 10-часовой рабочий день по триста дней в году и на протяжении всей жизни, по его мнению, приводит к порче здоровья и приглушению ума. В коммунистическом обществе будет по-иному: «Между тем когда человек может разнообразить свою работу, особенно если он может сделать так, чтобы физический труд чередовался с умственным, он охотно работает по десяти и по двенадцати часов, не чувствуя усталости. Оно совершенно естественно...

Прежде всего, он выполнит – в виде ли земледельческого, в виде ли промышленного труда – тот труд, который он должен отдать обществу как свою долю участия в общем потреблении. Затем он употребит вторую половину дня, недели или года на удовлетворение своих артистических или научных потребностей».

Для удовлетворения своих вкусов и потребностей люди будут объединяться в соответствующие общества: писателей, наборщиков, типографщиков, рисовальщиков. Так как не будет бедняков, вынужденных трудиться за пропитание, так как рабочий сам будет получать полное образование и у него будут *«свои собственные идеи*, которые он захочет передать бумаге и сообщить другим, тогда литераторам и учёным поневоле придётся соединяться между собою для печатания своих прозы и стихов».¹⁰¹

Возникает, правда, вопрос: зачем тогда создавать общества наборщиков и типографщиков, если писатели и учёные сами будут набирать и печатать, а, с другой стороны, когда они будут писать и заниматься наукой?

¹⁰¹ Там же. С. 117.

Настоящее соединение физического и умственного труда, сельскохозяйственного и промышленного происходит по-другому. Оно началось уже в XIX в. и достигло громадных успехов в веке XX. Уровень технологий во многих промышленных отраслях настолько высок, что для работы на станках необходимо иметь среднее специальное, а то и высшее образование, механизмуется и автоматизируется уже не только непосредственно производство, но и складское хозяйство и даже уборка помещений и территории. А, следовательно, труженики вроде бы физического труда должны обладать знаниями и умениями на уровне техников и инженеров. Сельскохозяйственное производство всё больше переходит на индустриальные рельсы, сливаясь в этом отношении с промышленностью, сельские дома в наиболее развитых странах мало чем отличаются от городских по обеспечению бытовыми удобствами, а в эпоху компьютеров и Интернета сельский житель становится гражданином мира. Это и есть настоящее соединение физического и умственного, сельского и промышленного труда, города и деревни. При этом сохраняется и даже возрастает разделение труда, но на более высоком качественном уровне.

В «Хлебе и Воле» нет специального раздела об образовании, хотя о его необходимости Кропоткин упоминал, но зато есть раздел о потребностях, составляющих роскошь. Как бы анархист не опровергал это, но из его идей следует, что человек живёт для того, чтобы есть, а не ест для того, чтобы жить. Именно поэтому к потребностям, «составляющим роскошь», он относил «художественные».

Эти потребности Кропоткин относил именно к роскоши и писал, что есть уже люди, отказывающие себе в необходимом ради приобретения какого-либо пустяка, умственного или материального наслаждения. Это стремление к роскоши можно осуждать с христианской, аскетической точки зрения, но в «действительности именно эти мелочи нарушают однообразие жизни и делают её привлекательной».

Но главная цель анархиста-революционера заключалась в другом: «Конечно, теперь, когда мы стремимся к социальной революции, мы хотим, прежде всего, обеспечить всем хлеб» и ещё: «Такому „порядку“, где люди, готовые работать, мрут от недостатка пищи и ухода, такой несправедливости прежде всего следует положить конец».

Эти потребности «роскоши», которые Кропоткин называл высшими наслаждениями, должны стать доступны и лишённому их рабочему. И такими «высшими наслаждениями» являются для него наука и искусство, особенно творчество в науке и искусстве.

Провозвестник анархического коммунизма прямо писал: «Именно для того, чтобы всем дать доступ к этим наслаждениям, которые известны теперь лишь немногим, для того чтобы доставить каждому досуг и возможность умственного развития, революция и должна обеспечить каждому хлеб насущный. Но **после** (выделено авт. – В.Б.) хлеба досуг является её высшей целью».¹⁰²

Принципиальной ошибкой Кропоткина является сведение науки и искусства к роскоши, к излишеству, без которого можно и обойтись, к наслаждению, которое можно даже осудить с христианской, аскетической точки зрения. На самом деле искусство в своих разнообразнейших проявлениях и жанрах с первобытности, с зарождения человеческого общества является способом, формой социализации человека. И человеческого общества в целом и индивида. Накопление знаний о природе, обществе и самом человеке, их изучение, приводящее со временем к появлению науки, также играет важнейшую роль и в становлении человечества как социального образования, и в его жизни в настоящем. Поэтому нельзя разделять производство материальное и духовное, к которому и относятся искусство и наука, нельзя относиться к ним как к какому-то излишеству, к роскоши, без чего можно и обойтись.

¹⁰² Там же. С. 114.

Нельзя, потому что в таком случае человек перестанет быть человеком и вернётся в животное состояние.

Отношение к науке и искусству как к роскоши у Кропоткина вытекает из противопоставления физического и умственного труда, из понимания физического труда как основы жизни общества, а умственного – как излишества, доступного только привилегированным слоям общества и не имеющего прямого отношения к производству материальных благ. Представители привилегированных слоёв общества, имеющие доступ к высшим благам цивилизации, с презрением относятся к ручному труду и это отношение надо изживать, полагал Кропоткин: «До тех пор, пока писатель будет смотреть на рабочую блузу и на ручной труд как на признак низшей породы, ему будет казаться невозможным, чтобы автор сам набирал свою книгу свинцовыми буквами... Но когда ручной труд потеряет свой униженный характер, когда **все должны будут работать своими руками** (выделено авт. В.Б.), так как им не на кого будет свалить работу, – о, тогда господа писатели, а равно и их почитатели и почитательницы быстро выучатся наборному делу и узнают, какое наслаждение собираться всем вместе, всем ценителям данного произведения, набирать его и вынимать ещё свежим и чистым из-под типографского станка». Кропоткин даже выражал надежду, что участие писателей в печатании своих произведений приведёт к огромному прогрессу в типографском деле.¹⁰³

В данном пассаже отразилось участие Кропоткина в издании газет Юрской федерации анархистов, правда, сам он овладеть искусством набора не смог и только смотрел, как это делают **профессионалы**.¹⁰⁴

Кропоткин, естественно, видел только отрицательные моменты в поддержке государством научных исследований и искусства и приводил примеры негативного отношения государственных учреждений к выдающимся научным открытиям. Он совершенно справедливо указывал на возникновение тысяч научных, литературных, музыкальных, художественных и тому подобных добровольных обществ, возникающих и действующих без всякого участия государства и их огромную роль в развитии науки и искусства. Анархист видел в этом признаки зарождающегося анархического коммунистического общества и надеялся, что после социальной революции такие общества станут основой развития науки и искусства на негосударственной основе и на добровольных началах.¹⁰⁵

Кропоткин оказался совершенно прав в своих надеждах на прогресс в типографском деле, свинцовые буквы давно отошли в прошлое, сочинитель действительно может теперь, в XXI в. и набирать, и печатать. Более того, для распространения своих литературных и научных сочинений необязательно теперь даже их печатать на бумаге и уже есть авторы, произведения которых бытуют только в электронном виде. Прав он был и в отношении разного рода добровольных обществ, которые существуют и множатся, играют большую роль не только в науке и искусстве, но во многих других сферах жизни общества.

Но теоретик анархизма ошибся в главном, для него куда более существенном: для этого не пришлось совершать социальную революцию, ликвидировать частную собственность, избавляться от «вредных посредников». Наоборот, именно благодаря им, капиталистическому строю в целом, и буржуазному государству в частности, это и произошло. А страны, пытавшиеся реализовать коммунистические теории на практике, катастрофически отстали в развитии новых технологий, в создании условий для свободного развития личности в науке и искусстве. Они вынуждены возвращаться на магистральный путь развития человечества

¹⁰³ Там же. С. 118, 119.

¹⁰⁴ Кропоткин П. А. Записки революционера. С. 254—255, 399—400.

¹⁰⁵ Кропоткин П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 119—128.

и пользоваться достижениями капиталистического общества, пытаться догнать ушедшие вперёд за время коммунистического эксперимента страны.

То же самое произошло с предсказаниями Кропоткина в отношении «привлекательного труда».¹⁰⁶ За сто с лишним лет после написания его работ действительно совершилась механизация практических во всех отраслях промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, а во многих даже автоматизация (которую он и предвидеть не мог). Кардинально улучшились условия труда даже на фабриках и заводах в странах «третьего мира», куда ведущие страны перенесли грязные производства. Механизация и автоматизация глубоко проникли в сферу домашнего хозяйства, начинается эра роботизации как промышленного производства, так и домашнего хозяйства. Только произошло это в первую очередь в странах капиталистических, с частной собственностью. Произошло именно потому, что это **выгодно** капиталисту, потому что механизация и автоматизация производства, улучшение условий труда рабочих приносит им увеличение «барышей». А отстали страны, пытавшиеся реализовать проекты строительства коммунистического общества, где частная собственность была отменена, а частная инициатива, частное предпринимательство осуждались и преследовались.

Кропоткин неоднократно в работе «Хлеб и Воля» возвращался к теме существования уже в рамках капиталистического общества таких элементов коммунистического общества, как союзы железнодорожных компаний, перевозчиков, велосипедистов, обществ спасения на водах и тому подобных объединений, основанных на «свободном соглашении». Он оговаривался, что «в современном обществе, основанном на частной собственности, т.е. на грабеже и на узком, следовательно, бессмысленном индивидуализме, этого рода явления должны быть очень ограничены». Поэтому такие соглашения не всегда бывают совершенно свободны и часто имеют «мелочную или даже вредную цель». Но это анархиста не останавливало: «Но мы ищем не примеров для слепого подражания, которых современное общество и не могло бы нам дать: мы хотим показать, что несмотря на гнетущий нас индивидуализм, в нашей жизни всё-таки находится обширное поле для свободного соглашения и что обойтись без правительства гораздо легче, чем кажется». И он задавал вопрос, казавшийся ему риторическим: «Если люди, которых основное начало жизни выражается словами: „каждый – для себя“, могут вступать в соглашения и вести крупные дела, не назначая над собою капрала, то не легче ли согласиться людям, имеющим общую, общественную цель?»¹⁰⁷

Примером для Кропоткина служил опыт железнодорожных компаний, которые, по его мнению, без всякого участия правительств, не создавая себе центрального руководства, договорились и регулируют перевозки по всей Европе или Северной Америке. А вину за все злоупотребления таких союзов: высокие цены, удлинённые маршруты перевозок, эксплуатация служащих, разорение мелких компаний крупными, разного рода мошенничества, Кропоткин возлагал на государство, которое создало условия для эксплуатации, даёт привилегии крупным капиталистам и т.д., и т.п.

Но теоретик анархизма не учитывал, что все эти компании, все добровольные объединения в самых разных сферах жизни – от транспортных, промышленных и сельскохозяйственных компаний, обществ спасения на водах, Красного Креста до союзов велосипедистов, писателей и т.д. действовали и действуют на основе законодательства, права, обязанности и ответственность этих объединений прописаны в законах и злоупотребления подлежат суду.

В экономической области возможность злоупотреблений монопольным положением крупных компаний ограничивается конкуренцией, а когда крупные компании становятся

¹⁰⁶ Там же. С. 128—137.

¹⁰⁷ Там же. С. 138—139.

слишком могущественными и захватывают критическую долю рынка, то в силу вступает антимонопольное законодательство, появившиеся в конце XIX в. Как пример можно привести историю раздела нефтяной компании Рокфеллеров «Стандарт ойл» на несколько компаний на основе антимонопольного законодательства.

Не прав был Кропоткин и когда писал, что над железнодорожными компаниями не было никакого начальства и это не мешало им заключать свободные соглашения, организовывать перевозку пассажиров и грузов, не считаясь с границами. Начальство в этих компаниях, как и в других подобных фирмах на транспорте, в промышленности и сельском хозяйстве было и есть. И это начальство – частый собственник, акционеры, которые нанимают управляющий персонал, контролируют его работу, определяют стратегию развития, в случае необходимости сами вмешиваются в процесс принятия решений, например, при создании «свободных соглашений». Как показывает исторический опыт XX в., «начальство» неизбежно появляется и в «обществе, состоящем из групп свободных работников», да ещё в таком количестве, что превосходит число «начальников» в капиталистической экономике. И с границами приходилось и приходится считаться и тогда в действие вступают государства.

Кропоткин пытался возражать оппонентам анархического коммунизма с экономической точки зрения. Он ставил задачу доказать, что анархическое коммунистическое общество, т.е. общество, признающее свободу личности, не создающее никакой власти и не прибегающее ни к какому принуждению для того, чтобы заставить человека работать, общество, состоящее «из людей таких, какими мы видим их теперь: не лучших и не худших, не более или менее трудолюбивых», такое общество может тем не менее развиваться.

Критики коммунизма (не только анархического), полагали, что если человек будет гарантированно обеспечен всем необходимым, если не будет необходимости работать ради куска хлеба, то никто работать не будет. Именно этот тезис и стремился в первую очередь опровергнуть Кропоткин и ставил вопрос: «Действительно ли наёмный труд даёт такие плодотворные результаты и не бывает ли уже и теперь добровольный труд более производительным, чем труд из-за задельной платы?»¹⁰⁸

Анархист ссылался на то, что французские крестьяне после революции 1793 г. стали работать с большей энергией, как и негры в Америке после отмены рабства, и русские крестьяне после 1861 г. Он красочно описывал примеры тяжёлого физического труда, бесполезной траты сил, незаинтересованности наёмных рабочих в максимальном приложении своих сил из опасения, что нормы выработки будут хозяином увеличены и, провозглашая, что так не должно быть, причину этого видел в частной собственности на орудия труда и в погоне собственника за максимальной прибылью – если ручной труд дешевле машинного, если имеется целая армия безработных, то незачем использовать машины. Признавая наличие «образцовых фабрик», Кропоткин не придавал им особого значения из-за их незначительного числа.

Он приводил примеры коллективного, общинного труда. Несколько странные, правда. Теоретик анархизма, например, требовал у оппонентов: «Чтобы доказать... преимущество *личной частной собственности* перед всякой другой формой владения, экономисты должны были бы показать нам, что при общинном землевладении и труде земля никогда не даёт таких обильных урожаев, как при частном». Заявляя, что «опыт показывает обратное», Кропоткин приводил примеры «праздников труда»: совместной рубки общинного леса жителями Ваадтского кантона в Швейцарии зимой, коллективной косьбы общинного или арендованного луга русскими крестьянами, русских артелей каменщиков, плотников, перевозчиков, рыбаков, «которые делят между собою получаемые продукты или вознаграждение, не прибегая

¹⁰⁸ Там же. С. 153.

к посредничеству подрядчиков», общей охоты кочевых племён и «бесчисленное множество других». И везде он видел одно и то же: «Бесспорное превосходство общинного труда над трудом наёмным или над трудом единичного собственника».

И далее князь-анархист делал вывод в присущих ему пышных и цветистых фразах: «Лучшим побуждением к труду всегда было благосостояние, т.е. удовлетворение физических, нравственных и художественных потребностей человека, и уверенность в возможности этого удовлетворения. И в то время как наёмник едва производит то, что ему существенно необходимо произвести, свободный рабочий, если он видит, что по мере его усилий возможность благосостояния и роскоши растёт и для него самого и для других, — он прилагает гораздо больше ума и энергии и получает прекрасные продукты в несравненно большем изобилии. Один чувствует себя навеки прикованным к нужде; другой же может рассчитывать в будущем на досуг и на все связанные с ним удовольствия.

В этом лежит весь секрет. И вот почему общество, которое поставит себе целью общее благосостояние и возможность для всех пользоваться жизнью во всех её проявлениях, получит с помощью добровольного труда несравненно лучшие и гораздо более обильные продукты, чем все те, которые получались до сих пор в производстве, основанном на рабстве, барщине и наёмном труде».¹⁰⁹

Странность примеров «праздников труда» у Кропоткина заключается в первую очередь в том, что он приводил частные примеры отдельных общинных работ, но забывал о других видах работы, принципиально важных для крестьянина. Так он даже не упоминал о собственно земледелии, возделывании пашни. И неслучайно — ведь даже в русской крестьянской общине того времени с периодическими уравнительными переделами пашни каждая крестьянская семья обрабатывала свой надел самостоятельно, как «единичный собственник». И так было везде и всегда с момента складывания экономической системы на основе крестьянского хозяйства. Именно уравнительное распределение пашни, принудительные общинные севообороты сдерживали проявления частной инициативы, совершенствование агротехнологий, применения техники и т. д. Именно сохранение крестьянской общины тормозило развитие в России не только сельского хозяйства, но и промышленности, испытывавшей трудности со сбытом своей продукции и получением сельскохозяйственного сырья из-за маломощности большинства общинных крестьянских хозяйств.

И русские артели рабочих-отходников прибегали к услугам подрядчиков, которые обеспечивали их работой, договаривались об условиях труда и размерах его оплаты. И артельщики делили заработанное необязательно поровну — учитывалось и мастерство, и трудовой вклад каждого, в советское время это называлось «коэффициент трудового участия».

Ошибался Кропоткин в недооценке «образцовых фабрик» — со временем их число будет расти, фабрики и заводы с тяжёлыми условиями производства, с преобладанием ручного физического труда, с примитивными технологиями постепенно исчезнут.

Что касается обеспечения «общего благосостояния» и возможности «пользоваться жизнью во всех её проявлениях», то это достигнуто во многих странах к началу XXI в., но как раз в странах с частной собственностью и наёмным трудом. Как видим, такое с Кропоткиным случается постоянно — то, что он предсказывал для анархического коммунистического общества случилось в капиталистическом.

Кропоткину только казалось, что он доказал преимущества добровольного свободного труда над наёмным, который, по его мнению, непременно сохранил бы свои недостатки даже в «коллективистском» коммунистическом обществе (в марксистском понимании). Для подлинного научного доказательства необходимо было привести сравнимые данные. Взять,

¹⁰⁹ Там же. С. 156—157.

к примеру, земледельческую общину, в которой действительно организованы совместные обработка пашни и животноводство, использование угодий, производство орудий труда, тканей, одежды, обуви, т.е. всего необходимого для жизни. И взять такое же число частных единичных собственников с сопоставимым количеством пашни и прочих угодий, рабочего и прочего скота, но которые трудятся самостоятельно. И после этого сравнить численные показатели – кто сколько произвёл, кто живёт лучше, чьё благосостояние выше, у кого больше досуга. Но теоретик анархизма не делает этого, потому что примеров подобного свободного труда не было. А создававшиеся время от времени коммунистические общины разного рода существовали недолго, раздоры, низкий уровень жизни и другие проблемы быстро приводили их к развалу.

Но раз не был проделан такой сравнительный анализ, то приходилось ссылаться на доступность всестороннего образования для всех детей, на «привычку к труду, существующую в цивилизованных странах», на свободу выбора и смены рода занятий, привлекательность совместного труда равных людей на общую пользу, благодаря которым «коммунистическое общество не будет чувствовать недостатка в производителях» и «эти производители скоро увеличат вдвое и втрое плодородие почвы и дадут промышленности сильный толчок».¹¹⁰

Но даже самое всестороннее образование не сделает лентяя трудолюбивым, свобода выбора и смены занятий существует и в капиталистическом обществе, а привлекательность общего труда на общую пользу и его эффективность, более высокую производительность и требуется доказать, именно доказать, а не просто продекларировать.

Кропоткин предельно идеализировал простой народ – рабочих и крестьян, но замечал и некоторые реалии жизни, связанные с наличием и среди народа лентяев, необязательных людей и предлагал решение проблем, вытекающих из этого.

Решение Кропоткина почти такое же, как у Бакунина. Т.е. коммунистическая община может поставить перед своими членами условие: отработать определённое количество часов работы с двадцати до сорока пяти или пятидесяти лет в обмен на обеспечение всеми благами (домами, магазинами, улицами, средствами передвижения и пр. Но если ни одна община не примет кого-либо, или человек оказывается совершенно неспособным к полезному труду или отказывается от него, то ему остаётся только жить особняком или как больному за счёт общины, если община будет достаточно богатой, чтобы дать такому человеку всё необходимое. Но такой человек должен смириться с соответствующим отношением к нему других членов общины как к пришельцу из буржуазного общества, если только его друзья, признав его гением, возьмут на себя долю его труда. Те же, кому такие условия не нравятся, могут искать иных условий жизни в другом месте или создавать свою общину на иных условиях.¹¹¹

Таким образом, Кропоткин предлагал фактически изгонять лентяев, обрекая их по существу на голодную смерть. В капиталистическом обществе для людей, которые не в состоянии или не желают трудиться, которые по какой-либо причине выпали из нормальной жизненной колеи, существуют разного рода способы вспомоществования через благотворительные общества и организации: создание условий для новой социализации и возвращения к нормальной жизни, раздача пищи безработным, бездомным, опустившимся людям, ночлежки и т. д. При этом система оказания такой помощи безработным, разорившимся крестьянам, мелким собственникам зародилась в Англии в XVII в. А в анархическом коммунистическом обществе предлагалось их изгнать из общины и предоставить на произвол судьбы. Бакунин предлагал даже объявлять преступников вне закона с правом каждого

¹¹⁰ Там же. С. 162.

¹¹¹ Там же. С. 165—166.

добросовестного члена коммунистического рая расправиться с ним. А как иначе, если нет принуждения, если нет материальных стимулов к труду, если нет законов?

Кропоткин неоднократно возвращался к принципу распределения материальных благ после социальной революции. Он не только резко выступал против сохранения денежного вознаграждения за работу, но и против распределения на основе *рабочих чеков*. Идея таких чеков была довольно популярна среди социалистов различных направлений в XIX в. В той или иной форме она встречается у Оуэна, Прудона, Маркса и других. Суть рабочих чеков заключается в том, что за работу человек получает не деньги, а чеки или квитанции, в которых записано, сколько часов он отработал и в соответствии с количеством отработанных часов он может получить соответствующее количество продуктов, одежды и т. д. Эти «чеки» можно было дробить как деньги.

Критика Кропоткиным принципа распределения на основе рабочих чеков вытекала из идеи, что этот принцип означает сохранение наёмного труда и влечёт за собой сохранение всех недостатков капиталистического строя после замены частной собственности на средства производства общественной. Он справедливо указывал на фактическую невозможность практической реализации этого принципа: как оценить в часах и минутах труд врача и больницы сиделки, сталевара и землекопа, труд сложный, профессиональный, требующий долгой подготовки, и труд простой, профессионализма не требующий. Анархист правильно указывал на то, что распределение по рабочим чекам породит в обществе споры в отношении доли участия каждого в производстве.

Он также видел трудность в том, что на разных предприятиях имеются разные условия и производительность труда, а, следовательно, придётся считать также не только отработанное рабочее время, но и затраты физической, умственной и нервной энергии». Кропоткин обращался к своим оппонентам-коллективистам: «Старайтесь в точности взвесить часть, приходящую на долю каждого. Считайте минуты и ревниво следите за тем, чтобы минута труда вашего соседа не могла купить большее количество продуктов, чем ваша минута». И ещё: «В точности высчитайте годы, употреблённые на обучение каждого работника, чтобы определить долю каждого в будущем производстве, и всё это — после того, как вы сами же заявите, что в производстве *прежних лет* вы совершенно не намерены принимать во внимание, каково было участие того или другого из вас!»

После этих характеристик использования рабочих чеков при распределении теоретик анархизма совершенно верно выводил: «Никакое общество не может сложиться на основании двух совершенно противоположных, постоянно противоречащих друг другу начал. Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацию, очень скоро была бы вынуждена или вернуться к частной собственности, или превратиться в общество коммунистическое»¹¹², т. е. к принципу распределения «каждому по потребностям».

Кропоткин категорически выступал против установления различия между сложным и простым трудом, между ремеслами, требующими обучения, и трудом поденщиков и введения различной оплаты за разный труд. Для него это означало: «Установить такое различие значит сохранить целиком неравенство, существующее в современном обществе. Это значит провести заранее черту между рабочими и теми, которые претендуют на управление ими. Это значит разделить общество на два ясно обособленные класса — аристократию знания и стоящую под нею толпу с мозолистыми руками — два класса, из которых один будет служить другому, будет работать для того, чтобы кормить и одевать людей, которые, конечно, воспользуются полученным таким образом досугом, чтобы учиться господствовать над теми, кто его кормит. Мало того: это значит взять одну из самых характерных современного буржуазного общества и усилить её авторитетом социальной революции; это значит

¹¹² Там же. С. 175—176.

возвести в основное начало зло, на которое мы нападаем в старом, разрушающемся обществе».¹¹³

Своё неприятие установления разной оплаты за разный труд Кропоткин объяснял тем, что эти различия в оплате труда инженера, учёного или врача, с одной стороны, и рабочего, ткача и крестьянина, с другой, определяются не «издержками на их производство», а монополией на знания: «Инженер, учёный и врач просто эксплуатируют известный капитал — свой диплом, — подобно тому как заводчик эксплуатирует свой завод или помещик-дворянин эксплуатирует свой дворянский титул».

А собственник завода, по мнению анархиста, платит инженеру больше, чем рабочему не ради оценки «издержек производства», а из простого расчёта — инженер может сэкономить собственнику капитал, как и надсмотрщик, который сможет прижать рабочих и сэкономить хозяину несколько тысяч рублей: «Он (собственник — В.Б.) охотно затратит лишних несколько сот рублей, чтобы выгадать себе тысячи, и в этом существенная черта капиталистического строя. То же самое можно сказать и о различиях между разными ручными ремёслами».

Кропоткину кажется несправедливым, что студент, «весело проведший свою молодость в университете, имеет *право* на плату в десять раз большую, чем сын углекопа, который с одиннадцати лет чахнул в угольной шахте», что ткач имеет заработок в 3—4 раза больший, чем крестьянин. Несправедливым ему кажется такое различие в оплате труда потому, что «издержки, необходимые на производство ткача, вовсе не в три или четыре раза больше издержек на производство крестьянина; ткач просто пользуется теми выгодными условиями, в которые поставлена европейская промышленность по отношению к странам земледельческим, в которых промышленность ещё не развита».

Он даже писал: «Мы думаем поэтому, что различные ступени в заработной плате представляют собою сложный результат целого ряда условий: налогов, государственной опеки, капиталистического захвата, монополии — одним словом, государства и капитала. Поэтому мы говорим, что все теории относительно этой шкалы в заработной плате изобретены были уже после её установления, чтобы *оправдать* существующую несправедливость, и что поэтому нам совершенно не нужно принимать в расчёт те тонкие теории, которыми её стараются оправдать».¹¹⁴

В данном случае Кропоткин не прав. Если студент в университете только весело проводил время и не учился, то никто ему платить вообще ничего не будет. Но если он учился, если он стал инженером и облегчил труд углекопа и тот перестал чахнуть в угольной шахте, а стал работать более производительнее и в лучших условиях, то такой студент, ставший инженером, конечно же, имеет право на более высокую оплату своего труда. И выгоду от труда инженера получит не только собственник шахты, сэкономивший несколько тысяч рублей (но и вложивший в модернизацию шахты десятки, а то и сотни тысяч и получивший прибыль не в тысячи рублей, а намного больше). Выгоду получит и углекоп, труд которого стал более сложным в плане профессионализма, но более лёгким с точки зрения физических затрат и более высокооплачиваемым. То же самое можно сказать о труде других специалистов с высшим образованием. Без этого рабочий и крестьянин обречены на тяжёлый физический труд с оплатой на грани выживания. Не прав Кропоткин и в том, что пренебрежительно оценивал труд по получению знаний — учёба также труд и труд тяжёлый. Как тяжёл и затратен труд профессионалов-специалистов с образованием. Они именно трудятся, а не просто эксплуатируют свой капитал — диплом. Недооценка труда высокообразованных специали-

¹¹³ Там же. С. 176—177.

¹¹⁴ Там же. С. 178, 179.

стов неизбежно ведёт общество к замедлению развития, а то и к деградации, к ухудшению жизненного положения простого народа прежде всего.

А различия в оплате труда, разные вознаграждения за разный труд существовали всегда, даже в первобытном обществе. Например, мужчина-охотник получал большую долю добытого мяса, хотя бы для того, чтобы он имел много сил и был в состоянии успешно ходить на охоту.

Кропоткин выступал против не только различий в оплате труда, но и категорически осуждал сам принцип «каждому – сообразно его труду», признававшемуся социалистами и коммунистами (которых он называл «коллективистами»).

Теоретик анархизма считал возможным и истинно справедливым после социальной революции только один принцип распределения материальных благ: «Поставить *потребности* людей выше их *дел* и признать сначала право на жизнь, а затем и право на довольство *за всеми теми, кто принимает какое бы то ни было участие в производстве*». ¹¹⁵

Все другие принципы распределения, исходящие из трудового вклада или благотворительности, он считал сохранением самого основного зла капиталистического строя.

Кропоткин декларировал (именно декларировал, а не доказывал – никаких исторических, экономических или каких-либо иных аргументов в пользу нижеследующего утверждения, как всегда в таких случаях, он не приводил): «Наёмный труд начал своё существование именно с этого принципа – „каждому по его трудам“ – и привёл нас к самому явному неравенству и ко всем возмутительным явлениям современного общества. С того дня, когда люди начали мерить услуги, оказываемые обществу, платя за них деньгами или какой бы то ни было другой формой заработной платы, – с того дня, когда было заявлено, что каждый будет получать столько, сколько он сможет заставить себе платить за свои услуги, – с этого дня вся история капиталистического общества была (при содействии государства) написана заранее. Она вся целиком находилась в зародыше в этом основном начале». ¹¹⁶

И далее Кропоткин повторял один из своих любимых тезисов: раз в процессе труда используются изобретения, инструменты, машины, орудия труда прежних поколений, раз труд по своему характеру коллективный – никто не может сказать, что он самый главный работник на угольной шахте, на заводе, без минимального участия даже самого неквалифицированного работника общий результат не достигим вообще или будет меньше.

Анархист указывал на вполне реальные сложности оценки размеров оплаты труда и с точки зрения «меновой ценности», и с точки зрения теории полезности или прибавочной стоимости. Он писал вполне правильно о том, что нельзя сравнивать в часах труд разных людей в разных сферах деятельности: «Это значило бы закрыть глаза на всю сложность промышленности, земледелия и вообще всей жизни современного общества; это значило бы не замечать, до какой степени всякий труд каждой отдельной личности является результатом всего прошедшего и настоящего труда всего общества. Это значило бы думать, что мы живём в каменном веке, тогда как на самом деле мы живём в веке стали». ¹¹⁷

Но, во-первых, человек трудится не ради «оказания услуг обществу», а для того, чтобы обеспечить жизнь свою и своей семье, поэтому он и старается сделать как можно больше и заработать как можно больше.

Во-вторых, в прибыли капиталиста, в заработной плате наёмного работника, в доходах лиц интеллектуального труда заключаются и «оцениваются» их **личные, конкретные** трудовые усилия, то новое, что они произвели путём вложения капитала, физического или умственного труда. Поэтому нет необходимости проводить глобальные расчёты «коэффи-

¹¹⁵ Там же. С. 184.

¹¹⁶ Там же. С. 181.

¹¹⁷ Там же. С. 182.

циента трудового участия» с учётом трудового участия всех людей, живших на планете с момента возникновения *Homo sapiens*.

В-третьих, при всей объективной сложности оценки трудового вклада каждого члена общества, при всей его даже несправедливости (на самом деле невозможно сравнивать труд шахтёра, сталевара, врача, адвоката и учителя, санитарки, уборщицы) другого варианта распределения материальных благ просто нет. Если всем давать по потребности, то на всех в достаточном количестве не хватит, Кропоткин не смог доказать обратного – все его расчёты в этом отношении носят поверхностный и неубедительный характер. А раз на всех не хватит по принципу «берите сколько хотите», то возникнет необходимость вводить учёт имеющихся в распоряжении общества благ, какие-то нормы потребления, следить за соблюдением этих норм. А, следовательно, общество вынуждено будет создавать какие-то органы учёта, распределения и контроля, т.е. или воссоздавать государство, или частную собственность.

В отношении Маркса и его последователей Кропоткин не прав и по той причине, что сам Маркс допускал принцип распределения по труду, по «трудовым квитанциям» только на первой стадии коммунистического общества – социалистической, при полном понимании, что этот принцип распределения носит буржуазный характер. И допускал именно потому, что считал (и правильно считал) недостаточным уровень производительности труда и количество производимых материальных благ для обеспечения всех по коммунистическому принципу. В развитом же коммунистическом обществе марксистов принцип распределения такой же, как у анархистов – по потребностям.

Кропоткин осуждал «буржуазную благотворительность» в виде воспитательных и рабочих домов, бесплатных обедов и т.д., но в случае попытки реализации на практике его анархо-коммунистических идей, всё к таким «бесплатным обедам», ночлежкам и тому подобному весь коммунизм и свёлся бы.

И совсем грубую ошибку допускал Кропоткин, когда смешивал совершенно разные понятия: труд, трудовые отношения, в процессе которых оценивается работа человека (справедливо или нет в данном случае не важно), за счёт оплаты которой обеспечивается сама жизнь человека и личные, нравственные отношения между индивидами,¹¹⁸ которые, конечно же, в денежных единицах не оцениваются. Их никто из экономистов-учёных в деньгах и не оценивал. А если в повседневной и конкретной жизни кто-либо оценивал дружбу, любовь, сочувствие, моральную поддержку в дензнаках, то его поведение даже в буржуазном обществе расценивалось всегда как аморальное.

Кропоткин ставил целью преобразовать политическую экономию. При рассмотрении общества и его политической организации анархисты, писал он, начинают с понятия свободной *личности* и затем переходят к свободному *обществу* – вместо того, чтобы начинать с государства, а затем спускаться к личности. В экономических вопросах анархисты следуют такому же методу – сначала изучают потребности личности и средства для их удовлетворения, а затем уже рассматривают вопросы производства, обмена, налогов, правительства и пр.

Это, на первый взгляд, незначительное различие, на самом деле, по мнению теоретика анархизма, переворачивает все понятия официальной политической экономии.

Кропоткин утверждал, что все экономисты от Адама Смита до Маркса начинали с *производства* (разделение труда, мануфактуры, роль машин, накопление капитала), а только потом переходили к *потреблению*, да и то ограничивались описанием распределения произведённых богатств.

Анархист не соглашался с вроде бы логичным рассуждением, что необходимо вначале произвести то, что удовлетворяет потребности, что прежде чем потреблять, нужно произвести. Кропоткин ставил вопрос иначе: «Но прежде чем произвести что бы то ни было, разве

¹¹⁸ Там же. С. 182, 187.

не нужно почувствовать *потребность* в данном предмете?» Он писал, что именно необходимость заставляла человека охотиться, изготавливать орудия, изобретать и строить машины и «чем, как не изучением потребностей, должно было бы руководствоваться производство?» Ему казалось логичным начать «именно с того, что побуждает человека работать, а затем уже перейти к рассмотрению средства удовлетворения потребностей посредством производства».

Кропоткин заявлял, что именно так поступают анархисты и политэкономия принимает совершенно другой вид и «из простого описания фактов она превращается в настоящую науку, стоящую наравне с физиологией, — науку, которую можно определить как *изучение потребностей человечества и средств удовлетворения их с наименьшей бесполезной потерей человеческих сил*». Он предлагал назвать эту подлинно научную, на его взгляд, политэкономия *физиологией общества*.¹¹⁹

Но экономисты и начинали с потребностей, даже если об этом прямо не писали, но понимали, что для того, чтобы жить человек должен есть, пить, одеваться, иметь жилища. Маркс и Энгельс свои занятия политэкономией начали именно с постановки вопроса об этом в ранних философско-экономических рукописях, которые не были сразу опубликованы, и только потом Маркс занялся написанием знаменитого «Капитала».

Экономисты, и Маркс с Энгельсом в том числе, потому и занимались в первую очередь производством, что необходимость удовлетворения потребностей человека в еде, одежде, жилище для них был аксиомой, о которой нет нужды повторять лишний раз. Но именно то, **как, каким способом, какими орудиями труда осуществляется производство, как соединяются орудия труда и рабочая сила** определяется тип личности, степень её развития, характер общественных отношений, в том числе и способ распределения произведённых материальных благ.

Кропоткин, пытаясь создать подлинно научную политэкономия, повторял ещё одну, характерную для революционеров, ошибку — он сводил потребности личности к **минимуму**, ему казалось, что достаточно обеспечить человеку минимальные потребности в еде, одежде, жилище и он будет счастлив и доволен.

Не придавал теоретик анархизма практически никакого значения разнообразию человеческих потребностей. Одному человеку одного дворца мало, а другому достаточно и лачуги, для одного нужны роскошные блюда, а другому стакана самогона достаточно. Учитывая же огромность разнообразия человеческих потребностей, их непрерывный и всё ускоряющийся рост, начинать с изучения потребностей, а потом уже переходить к производству средств их удовлетворения означает свести их к минимуму и затормозить, если не остановить развитие общества. И закономерно, что для стран, пытавшихся строить коммунизм, характерны именно минимальность удовлетворения потребностей, стандартность в одежде, питании, жилищах. Так было в СССР, в прежнем Китае, в КНДР.

Если в понимании роли производства и потребностей Кропоткин расходился с Марксом, то в отношении к разделению труда у них много общего. Кропоткин считал, что разделение труда приводит к узкой специализации рабочих, умеющих в совершенстве выполнять только одну операцию.

Этот «бесконечно вредный для общества и притупляющий для личности» принцип разделения труда, по мнению анархо-коммуниста Кропоткина и всех коммунистов, включая Маркса, есть «источник целого ряда зол».

Зло для личности Кропоткин видел в том, что изготавливающий всю жизнь одну и ту же деталь или только её часть, выполняющий одну и ту же операцию рабочий неизбежно теряет интерес к работе, оказывается в полной зависимости от хозяина, занимаясь

¹¹⁹ Там же. С. 188—189, 347.

всю жизнь одной и той же машиной работой рабочий теряет ум и изобретательность. Он был уверен, что «производительность нации падёт» вследствие разделения труда, «тогда как разнообразие занятий, наоборот, сильно увеличило бы производительность данного народа и развило бы в нём изобретательность».

Разделения труда, по мнению Кропоткина, способствует обогащению только богатых, а не наций. Он подробно перечисляет все недостатки, с его точки зрения, появления разделения труда: «В современном обществе мы разделены на два класса: с одной стороны – производители, которые потребляют очень мало и избавлены от труда думать, потому что им нужно работать, и в то же время работают плохо, потому что их мозг бездействует, с другой стороны – потребители, которые производят мало или не производят вовсе ничего, но пользуются привилегией думать за других, и думают; но думают плохо, потому что существует целый мир – мир работников физического труда, – который остаётся им неизвестным. Работники земледельческого труда не имеют никакого понятия о машине, а те, которые работают у машин, не знают ничего о работах полевых. Идеал капиталистической промышленности – это ребёнок, смотрящий за машиной, в которой он ничего не понимает и не должен понимать; а рядом с ним – надсмотрщик, налагающий на него штрафы, если его внимание хоть на минуту ослабеет, а над ними обоими – инженер, который выдумывает машину, за которой человеку останется только подкладывать, подталкивать и смазывать. Земледельческого рабочего стремятся даже совсем уничтожить: идеал капиталистического сельского хозяйства – это работник, нанятый на три месяца и управляющий паровым плугом или молотилкой и отпускаемый, как только он вспахал или обмолотил. Разделение труда – это значит, что на человека наклеивается на всю жизнь известный ярлык, который делает из него завязчика узелков на фабрике, подталкивателя тачки в таком-то месте штольни, но не имеющего ни малейшего понятия ни о машине в её целом, ни о данной отрасли промышленности, ни о добыче угля, – человека, который вследствие этого теряет ту самую охоту к труду и ту самую изобретательность, которые создали в начале развития современной промышленности все машины, которыми мы так гордимся».

Кропоткин считал вредным и неправильным разделение труда между странами и как положительное явление оценивал появление производств, которые вначале были монополией отдельных стран.¹²⁰

В коммунистическом обществе, разумеется, разделения труда быть не может, а все будут менять постоянно виды занятий, сочетая труд физический и умственный (как роскошь), сельскохозяйственный и промышленный. Как ни парадоксально, но в этом с Кропоткиным был согласен Маркс. Парадокс тут заключается в том, что именно Маркс как никто показал колоссальную роль разделения труда, его постоянного нарастания, роста специализации в увеличении производительности труда, в способности конкретных обществ, опередивших другие в этом процессе, производить гораздо больше материальных благ. И в то же время Маркс был уверен, что разделение труда с ростом общественного характера производства станет тормозом экономического развития и необходимо будет не только уничтожить частную собственность на средства производства, но и отказаться от разделения труда и ввести разнообразие занятий и их частую смену.¹²¹

Основные причины этой принципиальной ошибки, делавшей невозможным достижение коммунистического общества из-за недостижимости высочайшей производительности труда, без которой осуществление распределения по потребностям становится невозможным, следующие.

¹²⁰ Там же. С. 195—199.

¹²¹ См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь. Гл. 2. §3.

Во-первых, коммунисты XIX – начала XX веков абсолютизировали промышленное производство того времени, они полагали, что все машины и технологии уже изобретены и при сохранении капиталистического строя рабочий навечно обречён быть придатком этой машины, обречён на отупляющий машинальный труд. Но оказалось, что человечество только в начале пути создания новых технологий, машин, впереди ещё автоматизация и роботизация, которые предъявят к работнику совершенно другие требования.

Во-вторых, коммунисты (даже Маркс, который всё же обращал на это внимание) не заметили или недооценили оборотной стороны разделения труда, той стороны, которая также способствовала колоссальному росту производительности труда. Обратной стороной разделения труда является **кооперация** труда, обмен его вещественными, интеллектуальными и прочими результатами. Когда Кропоткин писал о «праздниках труда» в крестьянских общинах, он не обратил внимание на то, что, например, при коллективной косьбе происходит именно разделение труда и, одновременно, его кооперация. Хотя сам при этом замечал, что одни мужчины косят, а женщины ворошат скошенную траву. Если бы общинники вышли на общий луг, но каждый бы косил, ворошил, собирал, делал копны и стога, то эффекта роста производительности не было бы. Это соединение разделения труда и кооперации известно даже у многих животных, например, загонная охота у волков.

Именно общественное разделение труда и его кооперация, вначале на земледелие и скотоводство, затем выделение как особых занятий ремесла, торговли, дифференциация внутри ремесла и торговли привели к росту производительности, увеличению благосостояния целых народов, появлению мануфактур, затем фабрик и заводов с машинным трудом.

В XXI в., когда ни одна, даже наиболее развитая, страна ничего не производит в одиночку, когда страны, коренным образом различающиеся по своему экономическому и политическому устройству, по своей идеологии и менталитету народов, считающие явно или не явно друг друга врагами, тем не менее совместно разрабатывают и производят новые технологии, машины и прочее, диким анахронизмом, показателем принципиальнейшей ошибочности всей коммунистической доктрины во всех её разновидностях выглядит предсказание Кропоткина: «Создать у себя промышленность обрабатывающую, во всевозможных отраслях, становится стремлением решительно всех народов. И является вопрос: если разделение труда между различными народами, которое ещё недавно выставлялось нам экономической необходимостью, законом, – исчезает, то не так же ли ложен был закон о необходимости разделения труда, специализации, между отдельными личностями».¹²²

Логичным развитием отрицания значения разделения труда Кропоткиным было его утверждение о том, что в мире становится всё заметнее *стремление к децентрализации*. Он видел признаки растущей децентрализации в появлении и быстром росте всё новых отраслей крупной промышленности по всему миру. Сначала Англия была «кузницей мира», потом к ней присоединились Франция, США, потом Германия, начала расти крупная промышленность в России, Индии, Италии, появляются производства в Бразилии, Мексике.

Теоретик анархизма считал бесполезной специализацию для стран (она может обогащать только нескольких капиталистов, заявлял он) и утверждал, что «каждая нация находит более выгодным соединить у себя земледелие с возможно более разнообразными фабриками и заводами», что гораздо выгоднее, чтобы «каждая страна, каждая географическая область могла возделывать у себя нужные ей хлеб и овощи и производить сама большую часть предметов, которые она потребляет».

Кропоткин подчёркивал: «Это разнообразие – лучший залог развития промышленности посредством взаимодействия различных её отраслей, залог развития и распространения

¹²² Кропоткин П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 199.

технических знаний и вообще движения вперёд; тогда как специализация – это, наоборот, остановка прогресса».

С его точки зрения: «Земледелие может процветать *только* рядом с промышленностью. Едва где-нибудь появляется хоть один завод, вокруг него обязательно *должны* вырасти другие заводы, которые поддерживают и поощряют друг друга своими изобретениями и развиваются параллельно».

При этом Кропоткин прекрасно видел усиление взаимосвязи промышленности и сельского хозяйства, невозможность высокопроизводительного сельскохозяйственного производства без машин, искусственных удобрений, железных дорог, необходимость для промышленности «зажиточного крестьянского населения», способного потреблять её продукцию.

Но тут же писал: «Не в специализации, а в разнообразии занятий, в разнообразии способностей, соединяющихся ради одной общей цели, лежит главная сила экономического прогресса».

Кропоткин вновь и вновь повторял мысль, что после революции в отдельных странах или даже их частях жители восставших регионах должны будут сами выращивать хлеб и другие продукты, производить все необходимые промышленные изделия.¹²³

Принцип децентрализации промышленности лежал в основе представлений Кропоткина о коммунистическом обществе, основу которого составят отдельные мелкие коммуны, заключающие взаимовыгодные соглашения с другими. Об этом он писал в «Речах бунтовщика» в 1890 г. Идеи децентрализации промышленности в виде сохранения множества мелких предприятий наряду с крупными подробнее рассматривались Кропоткиным в работе «Поля, фабрики и мастерские» (1898 г.).

При обосновании принципа децентрализации промышленности Кропоткин вновь допускал типичные для себя ошибки. В первую очередь это абсолютизация современного ему уровня развития сельского хозяйства и промышленности, он не понимал, что прогресс будет продолжаться. И, что, например, после того как производство хлопчатобумажных тканей (а затем и чёрная металлургия) переместится из Англии в страны с большей численностью населения, с более низким уровнем жизни и, соответственно, оплаты труда, в самой Англии не вырастет гигантски безработица и страна не придёт в упадок. Нет, в Англии появятся более современные производства на базе новейших технологий.

Кропоткин постоянно писал о значении разнообразия способностей и занятий, но не замечал, что развитие этого разнообразия основывается на усилении специализации, которая является обратной стороной разнообразия. Только разнообразие развивается не в рамках отдельной личности, а в рамках всё больших и больших человеческих общностей и эти общности становятся как бы целостной личностью, позволяющей человечеству продвигаться с всё большей скоростью по пути развития способностей, роста производства и потребностей.

Кропоткину также присуще выдёргивание и абсолютизация отдельных сторон экономической и социальной жизни. Конечно же, мелкие предприятия по мере концентрации промышленности и роста числа крупных и сверхкрупных предприятий не исчезают, а только меняются – осваивают новые виды продукции, новые технологии. Но при этом мелкие предприятия кооперируются с крупными, дополняют их. Поэтому в принципе нельзя ставить вопрос: или – или, т.е. или крупные, или мелкие предприятия, те и другие необходимы, каждое имеет свою нишу в общественном производстве.

Прогресс в транспорте и средствах связи опроверг представления Кропоткина о необходимости строительства фабрик и заводов рядом с полями. В этом нет необходимости

¹²³ Там же. С. 205—209.

и нужные для сельского хозяйства машины по вполне приемлемой цене можно привезти в любую точку мира хоть с другого края света.

Но принцип децентрализации Кропоткина, других анархических и коммунистических теоретиков, привёл к концепции автаркии, замкнутости стран, пытавшихся строить коммунизм и, естественно, к замедлению их технологического прогресса.

Кропоткин был уверен в ложности положения политической экономии о том, что «единственным двигателем, заставляющим человека увеличивать свою производительную силу, является узко понятая личная выгода». Для него не было сомнений в том, что эпохи самых великих промышленных открытий и настоящих успехов промышленности всегда были «эпохами, когда люди мечтали о всеобщем счастье и всего менее заботились о личном обогащении», что великие исследователи и изобретатели думали главным образом об освобождении человечества, и если бы Уатт, Стефенсон или Жаккар (изобретатели паровой машины, паровоза и ткацкого станка) могли предвидеть, до какой нужды доведут рабочего результаты их бессонных ночей, они, вероятно, сожгли все свои планы и изломали бы свои модели». ¹²⁴

Т.е. те капиталисты, которые давали деньги тому же Уатту на оплату патента на изобретение, строили завод для производства паровых машин, заботились «главным образом об освобождении человечества», а не о личной выгоде. Но тот же Уатт, продавший своё изобретение капиталистам, а не отдавший рабочим, всему человечеству ради его освобождения, и ставший благодаря этому состоятельным человеком, конечно же, думал о личной выгоде.

И пусть бы рабочие по-прежнему использовали преимущественно мускульную силу человека в примитивном ремесленном производстве, вручную ткали ткань, использовали бы только достаточно простые водяные и ветровые двигатели, возили грузы на гужевом и водном транспорте, лишь бы капиталисты не получили своих барышей. Пусть бы остановился весь прогресс, никогда бы не был бы механизирован и автоматизирован труд тех же ткачей и кардинальным образом не облегчился бы их труд, как и труд рабочих тысяч и тысяч профессий, лишь бы не получили личной выгоды капиталисты.

Кропоткин пытался доказать полную возможность удовлетворения потребностей людей уже имеющимися средствами производства в промышленности и в сельском хозяйстве. Единственной причиной того, что продовольствия уже не производится вдоволь для всех и труд земледельца не стал настолько производителен, что, работая по пять часов в день, он мог бы накормить всех – это грабёж со стороны землевладельца (арендная плата), государства (налоги) и банкира (проценты по кредитам).

Теоретик анархизма посвятил десятки страниц текста описанию успехов в сельском хозяйстве: в огородничестве (тепличное производство), земледелии (машины, особенно трактора, паровые молотилки и пр.), повышение плодородия почвы и т.д., на основе которых делал вывод, что человечество уже способно производить достаточно для собственного прокормления. Необходима только социальная революция.

К успехам научным, агротехнологическим и техническим в земледелии и скотоводстве, по мнению Кропоткина, оставалось добавить только ликвидацию разделения труда, особенно на труд промышленный и труд сельский, и город бы дал достаточное количество рабочих рук для улучшения пашни, для ухода за скотом и прочих видов работ. Машины и совместный труд сделали бы великое дело, та работа, которую крестьяне выполняют, трудясь от зари до зари из последних сил, стала бы лёгкой и приятной.

Князь-анархист, никогда не пахавший и не сеявший, никогда не косивший, никогда не ухаживавший за скотом, никогда не сидевший за рычагами трактора, не управлявший паровой молотилкой, был уверен: «И все эти работы будут таковы, что заниматься ими

¹²⁴ Там же. С. 210.

сможет всякий, даже если обладает лишь слабыми мускулами и раньше никогда не работал на земле... Нет такого слабого парижанина или захиревшей парижанки, которые бы не могли выучиться в течение нескольких часов (!!! – В.Б.) управлять машиною, отгребать солому или вообще выполнять так или иначе свою долю земледельческого труда». В другом месте, прикидывая, сколько времени каждый человек должен потратить для производства нужного ему количества хлеба, мяса и молока, Кропоткин удовлетворённо выводил: «Мы всё-таки ещё не получим даже *25-ти дней по пяти часов каждый, т.е. просто несколько дней в году, приятно проведённых в деревне, для получения трёх главных продуктов: хлеба, мяса и молока*». ¹²⁵

Нет необходимости говорить о том, что Кропоткин сводил к минимуму потребности людей, о том, что не все «радостно» отправятся на несколько дней в деревню и придётся или отправлять их туда принудительно, или лишать еды и изгонять из коммунистической общины.

Недооценивал Кропоткин и важности знаний, умений, опыта, даже таланта в любом производстве, особенно необходимых в сельском хозяйстве, где урожай зависит от тысяч причин, трудно предвидимых. Он только указывал, что общее распределение работ будут производить те, «кто знает, чего требует земля», а всё остальное сделают «слабый парижанин» и «захиревшая парижанка».

Ещё раз приходится напоминать, что предсказанные Кропоткины успехи в росте производительности труда в сельском хозяйстве (как и в промышленности и науке) действительно были достигнуты. И эти успехи намного превосходили ожидания анархиста. Да только наивысших успехов достигли те народы, которые коммунистических экспериментов не ставили, успехи эти были достигнуты благодаря усилению разделения труда и специализации, и, конечно, обмена, общественной кооперации. И именно «социалистические» страны вывозили в деревню горожан для уборки урожая, заготовки кормов, но делали они это не от хорошей жизни, а по причине общей отсталости «социалистического» производства и почти полного отсутствия **личной выгоды** у колхозника и рабочего совхозов.

¹²⁵ Там же. С. 219, 222.

Государство и анархия

Если в работе «Хлеб и Воля» Кропоткин в основном давал характеристику конкретным чертам будущего анархического общества, пытался доказать возможность и даже неизбежность его установления, а также найти элементы коммунизма в современном ему буржуазном обществе, то работа «Современная наука и анархия» носит более общий теоретический характер. В ней теоретик анархизма высказывал свои взгляды на сущность государства, на его роль в жизни общества, на истоки и развитие анархических идей. Он исходил из посыла, что анархизм, как и социализм, как и любое общественное движение, «родился среди народа и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет народным».

С точки зрения Кропоткина, государство в разных формах изначально и во все времена присуще человеческому обществу, которое делится у него на два враждебных течения: «С одной стороны, народ, народные массы вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной, – чтобы поддерживать мир, улаживать ссоры и оказывать друг другу помощь во всём, что требует соединённых усилий. Родовой быт у дикарей, затем, позднее, сельская община и, ещё позднее, промышленная гильдия и средневековые вольные города – республики вечевского строя, которые положили первые основания международного права, – все эти и многие другие учреждения были выработаны не законодателями, а творческим духом самих народных масс».

С другой стороны, всегда существовали колдуны, маги, оракулы, жрецы, обладавшие первыми знаниями о природе, создававшими различные религиозные культы и обрядности. Они помогали поддерживать единство союзов между племенами. Зачатки знаний были тесно связаны с суевериями, выраженными в обрядностях и культах, все искусства и ремесла произошли от наблюдений природы и суеверий. Все суеверия имели свои мистические формулы, которые были известны только посвящённым и тщательно скрывались от народных масс.

Наряду с этими «первыми представителями науки и религии» имелись знатоки и хранители преданий и старых обычаев, устных законов, выступавшие в качестве посредников при разногласиях.

Были также «временные начальники боевых дружин», владевшие военными секретами и считавшиеся колдунами.

Эта племенная верхушка, по мнению Кропоткина, составила основу государства, власти и подавления большинства: «Эти три категории людей всегда с незапамятных времён составляли между собой тайные общества, чтобы сохранять и передавать следующему поколению... тайны их специальностей; и если иногда они боролись друг с другом, они всегда кончали тем, что приходили к взаимному соглашению. Тогда они спланивались между собой, вступали в союз и поддерживали друг друга, чтобы господствовать над народом, держать его в повиновении, управлять им – и заставлять его работать на них».

Это противостояние большинства (народа) и меньшинства (государства) Кропоткин видел во всей истории человечества, как и противостояние анархистов и государственников:

«Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений – то есть творческую созидательную силу самого народа, вырабатывавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства. Именно силою народного творчества и народной созидательной деятельности, опирающейся на всю мощь современной науки и техники, анархизм и стремится теперь выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества, – в противоположность тем, кто возлагает надежду на законодательство, выработанное правительством,

состоящим из меньшинства и захватившим власть над народными массами при помощи суровой жестокой дисциплины.

В этом смысле анархисты и государственники существовали во все времена истории».

Для Кропоткина история представлялась борьбой двух начал – народного и государственного. В ходе истории даже самые лучшие учреждения, которые были «выработаны первоначально для поддержания равенства, мира и взаимной помощи» устаревали и теряли первоначальное значение, подпадали под власть «властолюбивого меньшинства» и становились препятствием для развития общества. Тогда отдельные личности восставали против устаревшего учреждения. Но одни из них стремились изменить его в интересах всех, «и в особенности низвергнуть чуждую ему власть» (анархисты), другие же личности «стремились освободиться от того или иного общественного установления (род, сельская коммуна, гильдия и т.д.) исключительно для того, чтобы стать вне этого учреждения и над ним, – чтобы господствовать над другими членами общества и обогащаться на их счёт».

Точно также Кропоткин делил на «государственников» и «анархистов» революционеров всех эпох: «всегда существовали якобинцы и анархисты между реформаторами и революционерами». Он также выделял массовые народные движения, по его мнению, носившие анархический характер – раннее христианство, анабаптисты XVI в.

Кропоткин заключал, что анархизм родился из критического и революционного протеста, как и весь социализм вообще. Только некоторые социалисты, «дойдя до отрицания капитала и общественного строя, основанного на порабощении труда капиталом, остановились на этом» и не выступили против государства и «его главных оплотов: централизации власти, закона (составленного всегда меньшинством и в пользу меньшинства) и суда, созданных главным образом ради защиты власти и капитала».

Анархизм же «поднимает свою святотатственную руку не только против капитала, но также против его оплотов: государства, централизации и установленных государством законов и суда».¹²⁶

В данном случае Кропоткин демонстрировал абсолютно неисторический подход к проблемам развития общества и возникновения государства. Он в очередной раз недооценивал роль и значение управляющей функции, которая в той или иной форме присутствует в живой природе на всех уровнях, начиная с самых простейших организмов и их сообществ. Особую важность управляющая функция приобретает по мере развития живой природы, усложнения организмов и их объединений.

Функции жрецов, заклинателей, хранителей первых знаний о природе, обычаев, устных законов, военных предводителей, родовых старейшин, а потом племенных вождей заключаются как раз в организации жизни человеческих сообществ на ранней, родо-племенной, догосударственной стадии человечества. От качества функционирования этой первоначальной управляющей структуры в системе общества, т.е. от знаний, умений, силы, подготовленности представителей этой структуры зависело процветание человеческих сообществ, а часто само их выживание. Государство появляется тогда, когда, в связи с ростом численности и плотности населения, усложнения социальной организации, учащения конфликтов внутри первобытных сообществ и между ними, прежние формы организации, в том числе управления, перестали соответствовать потребностям выживания и развития конкретных сообществ. Лучшее обеспечение представителей управляющей структуры, их особое и привилегированное положение объясняется важностью выполняемых функций, большими затратами умственной энергии, а на ранней стадии и физической, способствует лучшему выполнению обязанностей. Конечно, со временем, и достаточно рано, появляются злоупотребления своим положением, чрезмерное обогащение, насилие и т. д. Но эти явления

¹²⁶ Там же. С. 244—249.

не перечёркивают исключительной важности управленческой (и защитной, тесно связанной с ней) функции.¹²⁷

Обычное право не противостояло государственному праву, а предшествовало ему, а затем сосуществовало наряду с ним. Обычное право в той или иной степени сохраняется в настоящее время в слаборазвитых странах, степень распространённости норм обычного права среди населения той или иной страны может служить индикатором уровня экономического, политического, социального и культурного развития страны и народа.

Управленческие функции в развитом обществе выполняют не только государственные институты, но и негосударственные, неформальные объединения – экономические, социальные, культурные, благотворительные и пр., которые и называются «гражданским обществом». Государство и гражданское общество **не** исключают друг друга, не противостоят как антагонисты, а взаимодействуют в разной форме и с разной степенью успешности в зависимости от исторических условий, зрелости общества и личностей, его составляющих.

Поэтому надо ставить задачу выстраивания наилучшего соотношения между обществом и государством как его частью, определения достаточности материального обеспечения представителей управляющей структуры («соотношение цены и качества» услуг по управлению), необходимости и характера их льгот.

Кропоткин чётко проводил мысль об изначальном существовании институтов власти в обществе и противостоянии анархистов и государственников, но, с другой стороны, допускал периоды истории, в течение которых не то государства не было совсем, не то оно было какое-то не такое. Анархист прямо писал, что «для *нашей* европейской цивилизации (цивилизации последних пятнадцати столетий, к которой мы принадлежим) государство есть форма общественной жизни, которая развилась только в XVI столетии, – и это произошло под влиянием целого ряда причин» и что «раньше этой эпохи, после падения Римской империи, государство в его римской форме не существовало» и что «современное государство образовалось только на развалинах средневековых городов».

Это «современное государство» Кропоткин характеризовал следующим образом: «Государство как политическая и военная власть, а также современный государственный суд, церковь и капитализм являются в наших глазах учреждениями, которые невозможно отделить одно от другого. В истории эти четыре учреждения развивались, поддерживая и укрепляя друг друга.

Они связаны между собой не по простому совпадению. Между ними существует связь причины и следствия.

Государство в совокупности есть общество взаимного страхования, заключенного между землевладельцем, воином, судьёй и священником, чтобы обеспечить каждому из них власть над народом и эксплуатацию бедноты».¹²⁸

В данном случае Кропоткин ещё раз стремился подчеркнуть эксплуататорский характер государства и поэтому сводил все разнообразные формы и типы государств к государству, в котором господство богатых и воинов основано на развитом письменном праве (а римское право лежит в основе европейского законодательства). Право средневековых городов Кропоткин считал обычным правом, созданным «гением толпы» и устройство этих городов он не относил к государственному типу. Поэтому феодальное государство западноевропейских Меровингов и русских Рюриковичей для него оказываются не государствами, а «продуктом воображения историков».¹²⁹

¹²⁷ См. подробнее: Болоцких В. Н. Анархия и коммунизм: теория и жизнь.

¹²⁸ Кропоткин П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. С. 347.

¹²⁹ Там же. С. 347.

Кропоткин различал понятия государства и правительства, но давал определение только государству как территориальной концентрации», а также как сосредоточению «многих отправлений общественной жизни в руках немногих», возникновению совершенно новых отношений между членами общества, как механизму законодательства и полиции для подчинения одних классов общества другим. Определения же правительству нет.

Теоретик анархизма заявлял, что для понимания государства есть только один способ: определить его историческое развитие и ставил задачу проделать это.

Но Кропоткин отбрасывал тысячелетнюю историю возникновения и развития государств до начала нашей эры. О Римской империи он писал только как об образце государства, идеале всех «законников», но ничего – о причинах её возникновения, долгом периоде жизни Римской республики, государствах древности. Кропоткин почему-то полагал, что для понимания сущности государства достаточно проследить историю появления европейских государств после падения Римской империи.

Объяснение сущности государства Кропоткин начинал издалека. Он верно писал, что общество присуще человеку изначально и что первым типом общества людей были род или племя, а не обособленная семья. Племя сообща добывало себе пищу, а «утолив свой голод, дикари со страстью предавались своим драматическим танцам». Накопления частной собственности в это время было невозможно, потому что «всё, принадлежавшее лично отдельному члену племени, после его смерти сжигалось или уничтожалось».

Кропоткин утверждал: «Первобытные люди не только не проповедовали презрения к человеческой жизни, а, напротив того, испытывали отвращение к убийству и кровопролитию. Пролить кровь – не только кровь человека, но даже некоторых животных, напр., медведя, – считалось таким большим преступлением, что за каждую каплю пролитой крови виновный в этом должен был поплатиться соответственным количеством своей». Так что убийство члена своего племени было делом *совершенно неизвестным*. Между племенами столкновения всё же были, но в этих межплеменных войнах первобытные люди стремились смягчить их и вырабатывали правила ведения войны – предупреждать заранее, не убивать на тропинках, по которым женщины ходили за водой, платить компенсации за убитых.¹³⁰

¹³⁰ Там же. С. 400—402.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.